КАПИТАНЫ РУССКОЙ ФАНТАСТИКИ

АЛЕКСАНДР ПРОЗОРОВ

СМЕРТНЫЙ СТРАЖ – 4

ХРАМ ОКЕАНОВ

Александр Дмитриевич Прозоров

Смертный страж – 4. Храм Океанов

Серия «Капитаны русской фантастики»

Серия «Смертный страж», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8515655
Смертный страж – 4. Храм Океанов / Александр Прозоров: Астрель, ВКТ; Ростов-на-Дону; 2023
ISBN 978-5-222-41275-6

Аннотация

Серия захватывающих и динамичных фантастических боевиков от Александра Прозорова! Книга четвертая – «Храм Океанов». Захватывающее путешествие к истокам человеческой цивилизации. Во времена, когда Землей правила иная, куда более могущественная и древняя раса, а люди были лишь одним из множества ее творений и верными слугами. Новая, расширенная и дополненная версия романа.

Содержание

Пролог 8
Глава 1 23
Глава 2 55
Глава 3 74
Конец ознакомительного фрагмента. 88

Александр Прозоров
Смертный страж
– 4. Храм Океанов

© Оформление: ООО «Феникс», 2023
© Текст: Александр Прозоров, 2023
© Иллюстрации: Игорь Приходкин, 2023
© В оформлении обложки использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

* * *

И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что и это – томление духа; потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания,

умножает скорбь.
(Екклесиаст 1:17,18)

Я предпринял большие дела: построил себе домы, посадил себе виноградники, Я устроил себе сады и рощи и насадил в них всякие плодовитые дерева; Я делал себе водоемы для орошения из них рощей, произращающих деревья; Я приобрел себе слуг и служанок, и домочадцы были у меня; также крупного и мелкого скота было у меня больше, нежели у всех…
(Екклесиаст 2: 4–7)

Пролог

– Трудно так сразу поверить, что всего сто тысяч лет назад на Земле существовала совершенно иная цивилизация! Причем абсолютно не похожая на нашу и созданная не людьми, а другими существами! – Дамира, все еще цепко державшая Шеньшуна за руку, успела более-менее свыкнуться с воскрешением нуара, а потому после рассказа Гекаты о ее появлении на свет тут же проявила профессиональное любопытство. – Так значит, твой бог научил тебя всему, о чем знал? Воспитал как ученицу? А как его звали? Он умер или уснул?

– Ты задаешь столько вопросов сразу, премудрая археологиня… – покачала головой «деловая» ипостась триединой воительницы… что невозможно ответить на все одновременно, – закончила толстушка.

– Может быть, выберешь один вопрос, полегче? – предложила «лягушонка».

– Хорошо, – замялась ученая. – Ну, для начала скажи просто, как его звали.

Геката, всеми своими тремя ипостасями, и страж богов одновременно рассмеялись.

– Я что-то не то спросила? – не поняла археологиня.

– Из всех вопросов ты выбрала именно тот, ответа на который не существует, – усмехнулась «лягушонка». – Вернее, ответ на который невозможно передать человеческой речью.

– Боги не имели имен! – Голос «деловой» заставил Дамиру повернуть голову к другому краю стола.

– Они общались так, что понимали, о ком идет речь, через образы, – снова продолжила юная часть богини.

– Имена им были просто не нужны, – добавила «деловая».

– Они разговаривали в прямом волевом контакте, – уточнила «лягушонка».

– Ну это как показывать друг другу фотографии, – подала голос толстуха. – Зачем имя, если всегда есть «фото» и всем понятно, о ком идет речь или к кому ты обращаешься.

– Да и мы всегда обращались к ним точно так же, – внезапно добавил нуар. – У богов нет имен. Они просто боги!

– Но ведь они как-то записывали свои мысли, открытия, события жизни? – предположила ученая. – Они должны были как-то называть себя хотя бы в письмах или документах!

– Ты просто не понимаешь, о чем говоришь, – цыкнула зубом «лягушонка». – Ты воспринимаешь их как людей и подозреваешь в человеческих поступках и желаниях. Пожалуй, я поступлю иначе! Для начала, чтобы ты хоть примерно поняла, о чем спрашивать, я передам историю богов так, как говорил о ней мой учитель. Чтобы смертным было понятнее, я, наверное, так и стану его называть!

– По словам Учителя, – продолжила толстуха, – история любой цивилизации делится на четыре эры: эпоха Дикости, эпоха Прозрения, эпоха Аскезы и эпоха Мудрости. Правда, война побудила его к предсказанию еще и эпохи Гибели, но

это, скорее, была горечь от увиденного, нежели признанная научная мысль.

– Эпоха Дикости, – прихлебнула шампанского «деловая», – началась в те далекие темные времена, о которых в памяти богов не осталось никаких воспоминаний. Возможно, она тянулась тысячи лет, а может быть и сотни тысячелетий. А то и вовсе миллионы! В том неведомом прошлом боги ничем не отличались от прочего животного мира. Разве только чуть-чуть иным был их способ охоты, который включал гипнотическое воздействие на жертву, парализующее ее волю, мешающее убежать. Впрочем, иные существа и сегодня умеют делать нечто похожее. Не стану углубляться, желающие могут вспомнить старый мультик про Маугли и оценить способности мудрого Каа. Нарисовано не очень достоверно, но наглядно и доходчиво.

– В эпоху Дикости боги еще не умели делать что-либо сознательно, – подхватила рассказ упитанная ипостась. – Но тем из их диких предков, кто умел воздействовать на добычу лучше остальных, жилось куда сытнее прочих, и погибали они от клыков тупых, но сильных врагов намного реже.

– И так получилось, – развела руками «лягушонка», – что в один прекрасный день это умение позволило первым из богов перешагнуть пропасть, отделяющую глупое животное от разумного существа. То есть впервые в своей истории они смогли не просто парализовать или отпугнуть дикое существо, но и вынудить его сделать что-то по своей воле! Воз-

можно, поначалу это были простые приказы, например крупному зверю освободить удобную нору или опасному хищнику повернуть в сторону. Может быть, прорыв был сильнее, и боги могли приказать другому существу построить новое жилище или охранять свой сон… Никто не знает точно, ибо это тоже было очень-очень давно! Но с этого часа началась эпоха Прозрения. Боги наконец-то осознали свою силу и свои возможности.

– Новая эра ознаменовалась тем, что повелители больше уже не приспосабливались к миру вокруг себя, – пояснила толстуха. – Они принялись переделывать саму планету, превращая ее в один большой и удобный для всех дом. Очень скоро богам перестало что-либо угрожать. Опасные звери сгинули, охотиться на богов и их стада стало некому. Поля заполнились обильной дичью. Послушные воле властителей животные рыли или строили им удобные дома, прокладывали пути к водопоям и храмам Плетения…

– Пускай они справились с хищниками, – перебила Гекату археологиня. – Но как с болезнями? У них были эпидемии?

– Нет, – покачали головой и все три ипостаси, и нуар.

«Деловая» объяснила:

– Любые болезни – это ведь часть живого мира! Они послушны воле богов так же, как и все остальное, и легко изгоняются из тел.

– А каким богам были посвящены храмы? – продолжила расспросы Дамира. – Кому молились сами боги?

– В эпоху Мудрости они верили в некоего Сеятеля, – ответила «деловая». – В великого мудреца, что бродит меж мирами и засевает их семенами жизни. Среди богов существовало поверье, что, оплодотворяя Землю, Сеятель так испугался мудрости нарождающихся здесь обитателей, что на всякий случай сотворил их без рук и без ног, дабы лишить возможности что-либо создавать и быстро двигаться. Видимо, поверье это не самое древнее, поскольку в стародавние времена руки изобретены еще не были и знать о них никто не мог. Ну и понятно, великого слепого почтения к Сеятелю, изначально «подпортившему» своих чад, боги тоже не испытывали. Они гордились тем, что перехитрили своего создателя и руки для себя все-таки заполучили! Пусть и не напрямую, а через своих рабов.

– Тебе трудно это понять, – продолжила «лягушонка», подкрепившись кусочком жареного мяса, – но истинные боги, создавшие и вас, и немалую часть нынешнего мира, совершенно, абсолютно другие, не похожие на смертных прежде всего своими мыслями. И в первую очередь потому, что вам, гомо сапиенсам, в наследство от дельфинов, помимо голой кожи, особенностей строения органов дыхания и мозгов, достались стайный инстинкт и сексуальное поведение. Точно так же, как ваши предки, вы занимаетесь сексом для удовольствия, вы стремитесь занять главенствующее положение в стае, либо хотя бы получить признание своих заслуг. Точно так же, как и прочие дельфины, вы стремитесь помо-

гать друг другу и способны пожертвовать собой ради других. Вас состряпали, скрестив лемура с дельфином и присыпав немного поросятины, разве ты забыла? Все три вида ваших прародителей в свою эпоху Дикости жили стаями. А вот боги – нет! Они одиночки. Изначально полностью самодостаточные существа.

– Согласно вашей морали, обычаям смертных, – с бокалом шампанского откинулась на спинку стула «деловая», – боги суть законченные социопаты. Безумные маньяки, ставящие интересы личности выше интересов общества. Ужасающие уроды, которых нужно стрелять и вешать без малейшего колебания. Богов никогда не интересовало мнение окружающих. Вообще! Для любого решения по любому вопросу богам полностью хватало своего личного желания. Даже если сия мелкая прихоть повелителя стоила кому-то жизни или сносила с лица земли целые регионы.

– Они не умели подчиняться… – припомнила толстуха.

– Или дружить, – кивнула «деловая».

– Ведь это все проявление стайного инстинкта! – пояснила «лягушонка».

– Они никогда не испытывали жажды славы… – добавила толстуха.

– Жажды власти…

– Стремления к наживе…

– Желания командовать…

– Жертвовать…

– Побеждать…

– Или вообще хоть как-то возвыситься над другими… – подвела итог «деловая» ипостась Гекаты.

– Зато они никогда не воевали! – словно попыталась оправдать древних повелителей толстуха.

– Ведь в любой войне жертвуются жизни немногих во имя процветания общества в целом, – опять объяснила «лягушонка». – А одиночкам наплевать на выживание даже всего мира, лишь бы лично им, самым главным в мире личностям, было хорошо!

– Как же они вообще выжили при таком отношении к самим себе? – не поняла Дамира.

– Точно так же, как выживают тигры в лесу, носороги в саваннах, пантеры в джунглях, анаконды в реках, леопарды в горах, – пожала плечами толстуха.

– Легко быть одиночкой, когда ты сильнее любого зверя окрест, – потянулась за салатом «лягушонка». – И даже любого прайда! Одолеть бога смогла бы только стая подобных ему. Ведь толпа чаще всего сильнее одиночки. Но боги никогда не сбиваются в своры!

– Жуть, – передернула плечами Дамира. – Не хотела бы я жить в таком мире!

– Попробуй посмотреться в зеркало, смертная, – отозвалась Геката устами «лягушонки». – Вспомни, чего только вы не вытворяете ради своих животных инстинктов. Продажа секретных документов ради короткого сексуального кон-

такта, причем даже без цели размножения, – это поступок из нормального мира? Ноги, отмороженные до конца жизни ради минутной славы где-нибудь на безымянной горе, – это естественно? Зарезанные ради пустого титула родители и братья – это ничего особенного? Охранники, расстрелянные из-за мешка наличности, – это тоже хорошо? Ваши стайные и сексуальные инстинкты, деточка, понуждают вас к куда более диким и безумным выходкам, нежели решения чистого разума, не отягощенного моралью! Ты просто успела привыкнуть к окружающему дикарству. Но это вовсе не значит, что повальное безумие двуногих есть образец для подражания! Вы просто слишком давно не попадали в руки санитаров.

Археологиня, хоть и вздрогнув из-за «деточки», предпочла промолчать. С одной стороны, поняла, что Геката обижается за близкий и родной для нее мир богов, с другой – если затевать споры и вставать в позу, то в итоге она наверняка не услышит больше ничего интересного!

– В эпоху Прозрения, кстати, случилось еще одно очень важное событие. Боги научились договариваться! – словно продолжая спор, сообщила «деловая» ипостась. – Ведь, меняя весь мир, они изменяли охотничьи угодья каждого, а личный участок – это единственное, ради чего боги были готовы сражаться насмерть! Вплоть до своей гибели! К счастью, все преобразования вели только к дополнительным удобствам и сытости. Поэтому древние созидатели достаточ-

но легко соглашались на перемены и даже на утерю части своих земель. Разум богов всегда был выше их животных инстинктов! Впрочем, даже не это стало наиболее значительным, просто многие задуманные дела оказались столь велики, что были не по силам кому-то одному. Боги смогли договориться творить перемены вместе. Каждый трудился во имя своих интересов, но в то же время и на общее благо. Не из страха перед вожаком, не в силу понуждения, как это происходит у вас, смертные, не из инстинкта преклонения, требующего слепо исполнять приказы. Боги объединили усилия сознательно, по своей воле! Понимая, что творят свое будущее и собственное благо. Сначала они сходились и сговаривались для малых дел, затем для все более и более великих.

– Тогда же были построены и первые из храмов Плетения, – добавила, широко улыбаясь, «лягушонка». – Места, куда боги собирались для общего праздника и где после праздника Плетения богини оставляли свои кладки яиц.

– Ну ты должна их знать, Дамира, – с ласковым ехидством кивнула толстуха. – В найденных храмах богов места для кладок вы называете погребальными камерами, если они чем-то замусорены, или ложными захоронениями, если они сохранились в чистоте. Хотя, помнится, где-то в Индостане такое укрытие все же возвели до статуса кельи отшельника!

– Боги строили их из камня, не имея рук и всего лишь управляя животными? – не менее ласково уточнила археологиня.

– Нет, поначалу храмами назывались всего лишь места для обряда Плетения и кладки, – нахмурилась «лягушонка».

– Возводить их из камня боги начали лишь в эпоху Мудрости, – продолжила «деловая», – когда создали смертных и научились успешно ими пользоваться. В эпоху Прозрения ничего этого не было. Было множество послушных, но все еще неуклюжих животных, менять облик и возможности которых никто пока не умел. Опасных тварей, крупных и мелких, боги истребили, а вкусным и полезным зверям обеспечили простор, сытость и безопасность. Прошло всего несколько тысячелетий, и вся планета стала одним большим и уютным домом, предназначенным для наслаждения жизнью! Настала эпоха Аскезы.

– Эта эпоха оказалась самой печальной в истории богов, – вздохнула толстуха, ковыряя вилкой салат. – Они обрели все, чего хотели! У каждого из них было удобное, сухое и уютное убежище. Прямо туда послушные воле повелителя звери приносили воду, дичь сама являлась к порогу, дабы бог не испытывал голода. Отныне для удовлетворения любых надобностей никому не требовалось даже пошевелиться, и свои дома боги покидали только для праздника Плетения. А очень многие не вылезали наружу даже ради него!

– Учитель говорил, что все они посвятили себя бесконечным глубоким размышлениям, – поправила прическу «лягушонка». – И что ради этого полностью отреклись от окружающего мира. Но он же рассказал, что случалось и другое.

Однажды кто-то из мудрых мыслителей вспомнил про растения, которые позволяют испытывать огромное наслаждение, которые приносят куда больше удовольствия, нежели праздник Плетения. Эти растения животные сначала разыскивали для своих повелителей, а потом боги научили рабов выращивать источники счастья на больших плантациях. Другие мыслители нашли дым, безмерно увеличивающий наслаждение во время самого праздника, и во многих храмах стали им пользоваться…

– Наркотики, – перевел ее многословие на обычный язык Варнак. – Небось еще и всякие уродства сразу после появления этой заразы начались?

– Да, – согласилась Геката. – Кладки, оставленные после праздников с использованием дыма, оказались… нежизнеспособны.

– И как вы справились с «божественной токсикоманией»? – спросил Еремей.

– Никак, – пожала плечами «деловая». – Желание бога есть высшая ценность! И потому никто не вправе ему перечить или его поучать. Если повелитель желает посвятить себя бесконечным наслаждениям, забыв про праздники, а нередко еще и про пищу и воду, такова воля его! И, разумеется, никто не смеет запретить богам проводить праздник так, что после него остаются только пустые кладки.

– Странно, что при таком обычае боги не вымерли вообще! – недоуменно повел плечом Варнак.

– Эпоха Аскезы стала самой тяжелой в истории мира богов, – повторила «лягушонка». – Дома богов, выстроенные предками, пустели. Пастбища и водопои зарастали, сотни и тысячи храмов оказывались заброшенными. Беспризорные стада оскудели, тут и там вновь стали появляться хищники, готовые напасть не только на приручённых повелителями слуг, но и на них самих! Огромные пространства на планете стремительно дичали, и у оставшихся богов больше не хватало сил, чтобы повернуть катастрофу вспять. Именно этот ужас запустения стал страшной вехой между эпохами Аскезы и Мудрости!

– Боги взялись за ум? – позволил себе остроту Варнак.

– Не совсем, – покачала головой «деловая». – Просто в мире бесконечного наркотического счастья уцелели лишь те немногие, которым для ощущения радости и полноты жизни травы наслаждения оказалось мало. В нашей вселенной есть только одно неодолимое чувство, общее для смертных и богов. Это любопытство! Кому-то любопытно, что будет, если выпить натощак бутылку водки. Кому-то – можно ли выкурить разом две пачки сигарет. Кому-то – каковы на вкус бледные поганки. А кому-то – отчего случается лунное затмение. Последние, как оказалось, живут намного дольше!

– Думаю, таких, кто добровольно откажется от рюмки водки ради таблицы умножения, будет один на миллион, – мрачно предположил Еремей.

– Именно! – согласилась толстуха. – Так и случилось. Бо-

гов уцелело очень мало. Очень! Зато все они крайне нуждались друг в друге. Иначе они не смогли бы выжить в огромном одичавшем мире. И все они были больны одной общей страстью.

– Любопытством, – на этот раз хором высказались Варнак и «лягушонка».

– Наверное, легенда о Сеятеле появилась примерно в это время, – закончила «деловая» ипостась. – Богам хотелось вернуть жизнь в покинутые земли. Поэтому они создали миф, который вызвал у них стремление подражать великому создателю, чтобы стать равными ему. Сначала оживить свою планету, потом отправиться к другим и наделить жизнью уже их! Но к этому времени боги слишком долго общались между собой и жили вместе, у них стали возникать стадные инстинкты, ранее присущие лишь животным. В разных уголках планеты развились отдельные анклавы со своими обычаями. А там, где собираются стаи, все всегда заканчивается дракой! Началась война, и все рухнуло. Мир богов…

– Неправда, – внезапно прервал ее спокойный голос нуара.

– Что неправда, Шеньшун? – Геката поднялась со своих мест и собралась, триединая, возле окна, с трудом поместившись на подоконнике всеми тремя седалищами. – В чем я тебя обманула?

– Не было никаких стай, никакой вражды, никаких животных нравов! – покачал головой страж богов. – Ты родилась

слишком поздно и не знаешь, как именно и почему все произошло. А я все это видел своими глазами. Война началась из-за обычного семечка, что упало с выросшего на скалах клена. Да-да, именно так! Мир богов рухнул из-за маленькой крылатки, не вовремя спорхнувшей с ветки перед моими собственными глазами…

Глава 1
Полет кленового семени

Как обычно, Шеньшун поднялся первым, с восходом солнца.

Впрочем, ночные крикуны к этому моменту уже успели забиться по темным щелям под кровлей обширного дома. Не просто дома – обители могучего властелина, нередко именовавшегося смертными Повелителем Драконов! А чаще – просто Драконом.

Истинного имени своего бога смертные, в силу убогости слабого разума, воспроизвести, увы, были не способны.

Ночных крикунов нуару доводилось видеть редко. Мелкие, не больше локтя ростом, лупоглазые и ушастые, они боялись не то что света, но даже предрассветных сумерек и сторонились чужих взглядов, выдавая свое существование только слабыми шорохами в глубоких лазах. Впрочем, стражами они были прекрасными, видя все далеко окрест даже в абсолютной мгле и поднимая тревогу при появлении любого постороннего существа, будь то зверь, нуар или даже незнакомый бог.

Шеньшун знал, что, если крикуны отправились на отдых в тишине, без недовольства и тревоги, значит, опасаться нечего. Однако долг стража богов побуждал его, во избежание

неожиданностей, каждое утро собственными глазами осматривать гнездовье повелителя и подступы к нему.

Ночные сторожа внимательны и глазасты, но глупы. Могут чего-нибудь и не уразуметь.

Опоясавшись мечом, сотворенным богом из дерева столь прочного, что его не царапал даже камень, нуар легко сбежал по мягким, пружинящим ветвям лестницы на желтый чуть влажный песок, внимательно осмотрел поверхность широкого залива, образованного излучиной реки, затем пошел вдоль гнездовья, осматривая и его стены, и подступы к ним.

Дом Повелителя Драконов был древним, как сам бог, и огромным, как его жизненный путь! Что ни год у властителя окрестных земель возникала нужда в новых помещениях для смертных, для скота, для рабочих ящеров и драконов, для стражей и гостей. И каждый раз, повинуясь неодолимой воле высшего существа, ближние деревья склоняли свои кроны, сплетали сучья и ветки с ветвями старых стен, набирали толщину, заполняя мельчайшие щели, повисали густыми зелеными пологами при входах, распускали густую листву на кровле, жадно впитывая солнечные лучи, и гнездовье становилось больше еще на несколько десятков шагов.

Шеньшун подозревал, что даже сам Дракон, почивающий в глубине этого гигантского жилища, уже давно не знал, куда и к кому ведут отдельные подземные норы, подкровельные ходы, отрытые у корней стволов ворота, для кого и чего предназначены те или иные логова, залы и комнаты, кто и в

каких концах здания обитает.

Дом жил своей собственной жизнью, подсвечивая самые глубокие норы гирляндами светлячков, впитывая дожди толстой кровлей из переплетенных с корнями ветвей, сберегая внутри себя летом прохладу, а зимою – драгоценное тепло, жадно поглощая все выделения жильцов, чтобы тут же превратить их в новые стены, листву, пологи или ушедшие к глубоким грунтовым водам корни.

Каждый из обитателей гигантского гнездовья знал, куда именно ему пробираться, где его безопасный и уютный уголок, в каком месте он получит любимую еду и куда ему отправляться на дневные или ночные работы, вмешательства бога во все эти мелкие хлопоты, в общем-то, и не требовалось. Хватало лишь однажды высказанного желания, и дальше все происходило уже само собой.

Обойдя дом и не заметив вокруг ничего подозрительного, нуар скинул одежду и с разбега нырнул в воды залива, распугав дремлющих на мелководье крокодилов. Он скользнул вдоль самого дна, пропетляв с раскрытыми глазами между корнями кувшинок и водяной крапивы, вынырнул уже на середине русла, ненадолго лег на спину, отдыхая, раскинув руки и ноги, потом извернулся и быстрыми саженками помчался обратно к берегу, там подобрал свою тунику из тонкой замши и пояс с оружием и, обсыхая под первыми утренними лучами, зашагал к котлам.

В теплое время года смертные, равно как и нуары, пита-

лись на улице из огромных деревянных чанов. Еще с вечера варщики кипятили в них воду, забрасывая внутрь раскаленные в кострах валуны, а потом вываривали мясо и рыбу, коренья, ракушки и улиток, разные травы, клубни и семена – все, что на тот день попадало под руку. Большущие емкости остывали медленно, оставаясь горячими до самого утра, и к рассвету содержимое превращалось в однородное густое варево, не всегда вкусное, но неизменно сытное и питательное.

Надо сказать, что равенство между обычными смертными и отличающимися от них более крупным телосложением стражами богов было лишь кажущимся. Ведь нуарам, помимо общего стола, дозволялось поохотиться в краткий промежуток между работами, перекусить в других местах дома, они могли найти себе какое-нибудь угощение и во время путешествий. Прочие же двуногие обычно знали только работу, гнезда над стойлами ящеров и общий для всех котел!

– Великий Шеньшун, старший из стражей, завершил свой обход! – торжественно провозгласил седовласый Хоттаку, вместе с еще десятком нуаров дожидавшийся юного стража у котлов. – Все ли в порядке с домом? Нет ли у нас повода для тревоги?

Хоттаку, возрастом чуть не впятеро старше него, столь же сильный, ловкий, но еще и куда более опытный, был вожаком нуаров до Шеньшуна. И теперь каждый раз приветствовал молодого начальника или испрашивал его приказов таким тоном, словно оскорблял врага, а не склонялся в подчинении

перед главным стражем.

И что обидно, Шеньшун никак не мог придумать, чем ответить своему завистнику.

– Все в порядке, Хоттаку! – Нуар сделал вид, что не замечает насмешливого тона. – Ты можешь не беспокоиться.

– Не изволит ли старший из старших разрешить нам приступить к трапезе? – почтительно склонился седовласый воин и двумя руками, словно величайшую ценность, преподнес Шеньшуну деревянную ложку.

И опять молодой нуар не нашелся, чем ответить. Ведь по устоявшемуся обычаю первым к еде приступал самый старший из присутствующих, затем остальные стражи и только потом – смертные, многие из которых уже успели проснуться и прийти к котлам, но пока еще теснились поодаль.

И вроде бы Хоттаку вел себя совершенно правильно, но выглядело это все равно издевательски.

После краткого колебания Шеньшун ложку все-таки взял, зачерпнул из ближнего котла горячее варево, отхлебнул, удовлетворенно кивнул и перешел к другому котлу, тем самым оставив седовласого воина без его ложки.

Месть, может быть, и мелкая, но все равно приятная.

После старшего к котлам со всех сторон подступили нуары, а за ними и остальные слуги. Общая трапеза началась.

Шеньшун, наевшись, сунул ложку кому-то из припоздневшихся смертных, оделся и, еще раз обойдя дом, уселся на берегу залива на крупном валуне у самого среза воды, за-

бавляясь тем, что своей волей заставлял крокодилов то бросаться в глубину, то выскакивать на берег, то выныривать вертикально, пытаясь устоять на длинном зеленом хвосте.

Как же это все-таки чудесно, что боги даровали нуарам часть своей воли! А то ведь простые рабы, рожденные от женщин, не способны повелевать не то что зверьми, но даже обычной крапивой или мелкой мошкарой. А крокодилов они так и вовсе боятся! И это притом что внешне стража богов от взрослого, хорошо тренированного смертного совершенно не отличить!

Но стоит произнести хоть слово, и рабы становятся послушными рабами, а воины – воинами.

– Все ли в порядке с водой, старший из старших? – По издевательскому тону Шеньшун понял, кто смог незамеченным подкрасться к размечтавшемуся нуару и выкрикнуть вопрос в самое ухо.

От неожиданности юный начальник даже подпрыгнул, схватившись за меч, но было, разумеется, уже слишком поздно. Он прозевал врага.

– В следующий раз, кладезь мудрости и опыта, я огрею тебя розгой! – пообещал Хоттаку. – Твоя глупость и невнимательность может стоить богу жизни! И как ты посмел попросить у него старшинства, жалкий безумный головастик!

– Да не просил я, не просил! – уже в который раз попытался оправдаться Шеньшун. – Я стоял в дальнем карауле, возле смертных на Болотной тропе. Повелитель Драконов про-

ползал мимо и вдруг спросил, больно ли разбиваться, когда падаешь на камни? А я ответил, что желающему падать лучше стать кленовым семечком. Оно легко касается земли, с какой бы высоты ни оторвалось. Бог этому нежданно очень обрадовался и… повелел мне стать старшим из нуаров!

– Ты лжешь! – рассвирепел Хоттаку. – Ты настолько неуклюж, что при первом же карауле в горах сорвался в пропасть! Ты настолько глуп, что не смог ответить на вопрос Дракона и наплел чушь про кленовое семечко! Ты столь невнимателен, что не замечаешь опасности, пока она не вцепится тебе в холку! И ты хочешь сказать, что за все это наш бог пожелал сделать тебя старшим из стражей?! Ты лжешь! Ты обманул Дракона, попросив у него старшинства. Ты солгал, пообещав ему что-то, чего не способен дать!

– Богу невозможно врать! – возразил Шеньшун.

– Можно, удерживая ложь в своих мыслях!

Их спор, в ходе которого стражи уже потянулись к рукоятям мечей, прервал тихий всплеск, после которого все крокодилы внезапно спохватились и ринулись в заводь, от противоположного берега взметнулись в воздух гуси и утки, шарахнулась в стороны по поверхности воды рыбья мелочь. Ибо природа ощутила пробуждение своего повелителя!

Нуары, забыв о ссоре, резко повернулись спиной к реке, оценивая подступы к берегу и выискивая опасность.

Вероятность оной здесь, в самом сердце угодий Повелителя Драконов, была ничтожно мала, но долг стражей богов

требовал от них устранять любую возможность нападения на властелина.

Впрочем, бог, могучий разум которого вмещал все происходящее вокруг, успел уловить разногласие среди слуг и понять его причину. И очень скоро, когда голова Дракона поднялась из омута за их спинами, у обоих в сознании прозвучало:

– Хоттаку, ты остаешься вожаком всех нуаров! Называя Шеньшуна старшим, я желал лишь иметь его при себе постоянным охранником, – моментально разрешил их спор повелитель и, явно ощутив что-то в мыслях Хоттаку, добавил: – Я желаю, чтобы он всегда был сытым и отдохнувшим!

– Да, мой бог, – почтительно склонился возвращенный на высший пост опытный нуар, глаза которого загорелись торжеством.

– Выведи драконов, Шеньшун, мы летим на Серую топь! – приказал господин и плавно опустился обратно в воду: боги, равно как и люди, явно были созданы для жизни в воде и плескались в ней с не меньшим удовольствием, нежели смертные.

– Ты отвечаешь за жизнь бога, никчемный червяк! – тихо зашипел Хоттаку, но Шеньшун, пропустив его поучение мимо ушей, уже помчался к береговым стойлам.

Доселе неведомое нуарам звание постоянного личного стража показалось ему даже более желанным, нежели пост старшего над гнездовьем и многочисленными слугами. Ведь

старший нуар почти все время проводит дома, следя за порядком, безопасностью, распределяя смертных, стражей и ящеров на работы или выпас. А служение лично богу сулило уважение и почет при минимуме хлопот и обязанностей.

Просто будь рядом и делай, что приказано!

Обнажив на всякий случай меч, Шеньшун раздвинул толстый полог из длинных ивовых ветвей, закрывающих вход в стойло, заглянул внутрь, вскинул руку, давая приказ летучим ящерам отступить.

Здесь всегда следовало быть настороже: драконы быстро уставали, теряли силы и постоянно пребывали в полуголодном состоянии, норовя схватить и проглотить все, что шевелится. Скотники, ухаживающие за ними, исчезали постоянно! Им не помогали ни опыт, ни длинные острые ассегаи[1] из прочного красного дерева, ни хорошее отношение подопечных. Чуть только зазеваешься, чуть только дракон ощутит в желудке чрезмерную пустоту, так сразу щелк челюстями – и нет смертного! В пасть взрослого ящера человек с легкостью проскакивал целиком.

Нуар, в отличие от простых смертных, умел повелевать всем живым вокруг не хуже бога, но и стражи, отвлекшись не вовремя, запросто попадали драконам в желудки.

Сегодня Шеньшуну повезло: ящеры столпились у дальней стены и не успели заметить его первыми. Спрятав меч, ну-

[1] Ассегай (ассагай) – разновидность копья длиной около двух метров и с железным наконечником, применявшегося зулусами. (Прим. ред.)

ар выбрал взглядом пару самых крупных, вслух приказал: «Идите сюда!»

Повинуясь его воле, два дракона со сложенными на боках кожистыми крыльями на четвереньках выбрались за полог и тут же торопливо защелкали челюстями, выхватывая из воды зазевавшихся крокодилов.

Шеньшун не мешал – пусть подкрепятся перед полетом! Мясистые неповоротливые твари для того в заводи и разводились, чтобы ящерам в любой час было чем подкрепиться.

Вслед за драконами из-за полога выскочил молодой скотник, держа наготове ассегай, но, увидев нуара, тут же успокоился и отступил назад.

Ящеры, только что активно щелкавшие челюстями, вдруг замерли, будто окаменели, опустили головы к воде и растопырились, расставив шире ноги и крылья. Верный признак того, что оказались под властью бога.

Прямо из воды на шею одного из них стал медленно заползать повелитель: коричневый, с черными продолговатыми пятнами, с глянцевыми круглыми глазами, полуприкрытыми подвижной матовой пленочкой; крупная чешуйчатая голова чуть приплюснута сверху и спереди, разделена вдоль надвое тонкой красной полоской. В длину, от головы до кончика хвоста, бог почти вчетверо превышал рост Шеньшуна, тело его имело толщину упитанного взрослого мужчины, а пах он горячим песком и свежей сосновой смолой, капнувшей на влажную прелую хвою.

Из пасти то и дело выскальзывал черный раздвоенный язык, словно пробуя воздух на вкус.

Вот повелитель занял свое место, дважды обернувшись вокруг шеи ящера и вытянув остальное тело вдоль его спины.

Шеньшун мигом махнул на холку другого, и драконы, тут же начав разбег, сначала ринулись к воде, а потом, с силой оттолкнувшись, уже в прыжке широко раскинули крылья и заскользили над самой рекой.

Ящер нуара распахнул пасть, опустил нижнюю челюсть, вспарывая поверхность заводи, ловко выхватил из глубины зазевавшегося крокодильчика, проглотил и тяжелыми медленными взмахами начал набирать высоту. В лицо Шеньшуну брызнули мелкие холодные капли, но не успел он возмутиться, как его крылатый зверь вслед за драконом повелителя взмыл ввысь, проскочил над самыми макушками сосен и повернул к лысой горе, на которой не росло ничего, кроме жухлой травы. Здесь ветер подбросил ящеров вверх на добрую сотню шагов, после чего они отвернули к черному пустырю, оставшемуся от прошлогоднего пала, закружились под перистыми облаками, растопырив кожистые перепонки, насколько хватало длины передних конечностей.

Крылья были огромными, с полсотни шагов от кончика до кончика, и без труда удерживали на себе даже сытых драконов вместе с тяжелыми наездниками.

Круг за кругом они поднимались все выше, чуть ли не к самым облакам. На миг Шеньшун уловил одобрительную

мысль бога, тот был доволен, что новый страж, в отличие от многих других, не боится высоты. И тут же крылатые ящеры один за другим повернули к сереющим у горизонта скалам.

Из-под небес гнездовье бога сделалось совершенно неприметным. Зеленая лиственная крыша затерялась среди окружающего леса, ведущие к нему тропы и дороги скрылись под кронами вековых деревьев, пляж возле дома оказался ничем не отличим от других, и только протяженная, чуть изогнутая, широкая речная заводь давала ориентир для обнаружения родного дома.

Повелитель, мчась впереди, направлял дракона к серым дымкам, поднимающимся между лесистыми холмами. Разгоняясь, он снизился почти до самых вершин, промелькнув над кострами со стремительностью брошенного камня.

Разумеется, Повелитель Драконов в любой миг и в любом месте мог узнать обо всем, что происходило даже в самом дальнем уголке его угодий, и отдать приказ любому из бесчисленных слуг, однако он предпочитал видеть все лично, а не воспринимать издалека чужими глазами.

Здесь, в трех днях пешего пути, по берегам мелкого ручейка поселились одичавшие смертные. К удивлению бога, что ни год несколько глупых двуногих сбегали от сытной, безопасной жизни под его властью в окружающие леса и пытались как-то уцелеть во враждебном мире.

Большинство из них, разумеется, не переживало первой же зимы. Многие, отощавшие, грязные и больные, уже осе-

нью пытались пробраться обратно к своим гнездам, пугая бывших сотоварищей изможденным видом. Казалось бы, одно это должно было отбить у рабов желание соваться в леса!

И тем не менее что ни весна находились очередные беглецы.

Повелитель Драконов не пытался вернуть одичавших рабов. Больше того, он приказал скармливать вернувшихся двуногих ящерам! Властитель сильно опасался, что слабые умом беглецы испортят ему породу смертных и слуги начнут глупеть. К тому же, у обитателей здешней стоянки иногда обнаруживались забавные находки, которые Дракон потом использовал уже у себя в гнездовье.

Так, именно дикари придумали кипятить воду раскаленными камнями или укрывать свою нежную гладкую кожу, не позволяющую продираться через густые заросли, шкурами съеденных зверьков.

Проблема питания двуногих рукастых слуг, имеющих слабые зубы морского хищника и брюхо травоядного, была общей проблемой для всех богов. На растительной пище смертные быстро стирали зубы до пеньков, и вполне здоровые, сильные экземпляры приходили в негодность. Кормить большие стада мясом выходило слишком хлопотно, отказываться же от умной и работящей породы тоже не хотелось.

Кипячение еды в чанах оказалось великолепной находкой! Даже самые крепкие зерна, будучи запаренными на ночь, наутро быстро и легко поедались слугами – зубы при

этом сохранялись, а мяса расходовалось совсем немного. Бог полагал, что теперь срок жизни рабов увеличится вдвое, и примерно на столько же можно будет увеличить их поголовье без трудностей с едой!

Что до шкур, нуары, которым было приказано опробовать штаны и куртки первыми, оказались настолько довольны, что теперь шили себе их сами, без напоминаний хозяина. А примеру стражей богов почти сразу последовали и простые смертные.

Повелитель промчался над стойбищем, развернулся, пронесся снова, потом в третий раз, но ничего интересного на сей раз не заметил, и его ящер начал набирать высоту.

Теперь их путь лежал на север, туда, где в расселине между изломанными скалами спряталась влажная бессточная низина, далеко вокруг распространявшая запах кислятины и гниения. Именно здесь, на Болотной тропе, пробитой от ближнего леса в низину, несколько дней назад бог впервые заметил Шеньшуна и пожелал забрать юного нуара с собой.

Возле Серой топи Повелитель Драконов не стал даже снижаться – сделал лишь несколько кругов под самыми облаками, убедился, что по тропе исправно двигается вереница громадных большебрюхих жрунов и нагруженных влажными травяными кипами спинозубов, и резко накренил ящера, поворачивая на юг.

Несколько взмахов крыльями, две задержки в тихих местах с медленным подъемом кругами на подоблачную высо-

ту – и вот они уже промчались над просекой, которая растянулась от текущей с пологих гор речушки к знойной, но безводной луговине между песчаными холмами, ощетинившимися сосновым бором.

Своим могучим разумом, неодолимой волей бог легко мог заставить лес расступиться, траву – убрать свои корни, кустарник – скрепить склоны. Но подчинить себе мертвую землю и песок Повелитель Драконов, увы, был не в силах. И потому оросительную канаву приходилось рыть медлительному могучему клюворылу, выгребавшему на стороны песок вместе с дерном и камнями, а вот выкладывать влажной глиной, которая не даст живительной влаге уходить в глубину, и мостить камнями, которые помешают потоку размывать саму глину, – все это приходилось делать смертным слугам собственными руками и ногами.

Несколько десятков рабов трудились здесь, несколько десятков – по другую сторону холма, добывая глину и укладывая ее на спинозубов, которые и перетаскивали груз с места на место. За порядком следили два нуара. Один командовал глупыми ящерами, второй приглядывал за смертными, дабы не отлынивали от работы, и следил, чтобы те ничего не перепутали.

Шеньшун уловил в мыслях бога слабое удивление тому, как неожиданно переплетается судьба разнообразных созданий и изобретений. Двуногие голокожие смертные, придуманные для работы на океанском мелководье, благодаря со-

образительности, удобным для работы рукам и всеядности, неожиданно оказались востребованы практически во всех краях земли. Нуары, созданные всего лишь для защиты богов в дни слабости и потому наделенные способностями повелевать зверьми и растениями, вдруг понадобились везде и всюду, поскольку могли заменить богов на нудных, но необходимых работах, вместо них отдавая приказы, которых никто не мог ослушаться…

И наоборот, самые продуманные, многообещающие изобретения, вроде громадного непобедимого жруна, который должен был истреблять расплодившихся хищников, или длинношеего кроноеда, способного поднять голову на высоту в два дерева, оказались совершенно бесполезны.

Огромный и страшный, но шумный и неуклюжий жрун в результате смог охотиться только на падаль: прочие враги от него успевали скрыться, а шея кроноеда получилась столь слабой, что вместо строительных камней еле-еле поднимала саму себя. В итоге жрун всего лишь вычищал леса от крупных разлагающихся туш, опорожняя брюхо в заделах для новой рассады, а кроноед щипал недоступную прочей скотине листву, чтобы потом кормить собранной пищей работящих, но малоротых спинозубов и клюворылов…

«И почему у самых востребованных в работе животных всегда обнаруживаются такие сложности с жеванием?! – уже чуть не в голос возмутился Повелитель Драконов. – Помнится, еще ни одному ученому не удалось совместить и то и дру-

гое в одном слуге! Кто хорошо трудится – всегда плохо ест. Или наоборот».

Его ящер подтянул крылья, отворачивая к солнцу, дракон Шеньшуна накренился следом, тоже скользя по воздуху к темно-зеленому холму у горизонта. В лицо ударил плотный и холодный встречный ветер, заставив нуара прищуриться, а когда напор стих и ящер снова раскинул крылья, замедляя полет перед посадкой, они оказались уже возле Родильного древа.

«Противно, но быстро», – пробормотал страж, осознавая, что всего за несколько вздохов оставил позади расстояние почти в полный день пешего пути.

Увидев, как повелитель медленно соскальзывает с шеи своего дракона, Шеньшун торопливо спрыгнул, поправил меч, подбежал к богу и тут же замер, вдруг оказавшись глаза в глаза с властелином окрестных земель.

«Найди мне кленовое семечко!» – четко и ясно прозвучало прямо в голове нуара.

На миг в сознании Шеньшуна промелькнуло сомнение: имеет ли он, страж, право покидать властелина? И возможно ли найти семя дерева сейчас, в самый разгар лета, и…

Но бесконечные колебания и вопросы были тут же сметены волей бога, и нуар лишь послушно склонил голову: «Да, повелитель!»

Всемогущий бог, отвернувшись, с легким шелестом заскользил по песку к многочисленным ивовым шатрам, раз-

бросанным по сторонам от толстого ствола Родильного древа, а Шеньшун, проводив его взглядом, зачесал в затылке, гадая, как исполнить неожиданный приказ.

Где взять семя клена в разгаре лета?

Нуар огляделся.

Драконы, оставшись без седоков, уже спешили на своих четырех лапах к текущему под корни Древа ручейку. Чуть дальше, за ухоженным руслом, поднимались скалы, расцвеченные тут и там пышными зелеными листьями. Между скалами, накрывая от края до края широкую, в несколько шагов, расселину, густо плелась лоза. Видимо, там прятался дом ученика бога, берегущего Родильное древо и его слуг.

На самом деле Древо было травой, каким-то ползучим растением с трубчатым стеблем, внутри которого трехлетний ребенок мог бы бегать, поднявшись во весь рост; с огромными листьями, каждый из которых легко укрыл бы от дождя летающего ящера, и с гибкими усиками, без труда выворачивающими огромные валуны в попытках зацепиться за склоны окрестных скал.

Это чудесное растение было изобретено совсем недавно, всего несколько столетий назад, Пернатым Змеем, названным так за свой очень редкий мелкочешуйчатый окрас. Этот бог с южного континента испытывал особый интерес к животным, излучающим тепло. Именно он предположил, что, если звери благополучно живут, питаясь травой, значит, в ней есть все, необходимое для роста и развития организмов.

А коли так, можно добиться, чтобы питательные соки шли напрямую в живое тело, без промежуточного переваривания.

Он же вырастил и первую тыквенную лозу, которая через стебельчатую пуповину вскармливала мышь.

Поначалу среди ученых этот опыт вызвал восхищение мастерством коллеги, и только.

Но при попытках повторить опыт у себя на огородах боги быстро заметили, что вырванные из родительской утробы и подсаженные в плоды зародыши оказались куда более чувствительными к воздействию их воли.

Более того, внутри наполненных питательным соком плодов удавалось соединять в единое целое зачатки самых разных зверей, обычно к скрещиванию не способных. И опыты посыпались один за другим непрерывным потоком. Боги увлеченно смешивали рыб с птицами, животных с растениями, ящеров с улитками, а насекомых с китами…

В большинстве случаев рожденные уродцы оказались тварями нежизнеспособными. Хотя в отдельных лесах и землях надолго поселились медлительные животины с водорослями вместо шерсти, змеи с ногами или ежи с утиными носами и бобровыми хвостами.

Но зато за пару столетий властители Земли досконально научились пользоваться открывшимися возможностями и теперь создавали действительно нужных и полезных слуг!

Разумеется, это были те ученые, которые сумели вырас-

тить и сохранить Родильное древо, что оказалось совсем не просто и в южных тропиках, и в холодных северных угодьях.

Повелитель Драконов оказался, как всегда, на высоте. Он смог напоить Древо, досуха высасывающее за день ручей среднего размера, сумел доставить достаточно пищи его корням и найти ему солнечное, но безветренное место, сумел спасти цветки от дождей, а листву – от солнечных ожогов.

Зато теперь Древо рождало ему и сильных, здоровых нуаров, и могучих спинозубов, и рослых горбачей, а также помогало создавать новых существ, подчиняя слабых зародышей воле мудрого ученого.

Родильное древо стелилось по обширной долине от края и до края, меж выстроившихся полукругом холмов, раскидывало стебли и листву среди серых скал, местами забрасывая молодые почки на самые их вершины. Чтобы обойти его по кругу, понадобилось бы не меньше, чем полдня, а чтобы заглянуть в каждый из плодов – несколько дней.

Вот только… найти в них кленовое семя было невозможно, и помочь Шеньшуну в его стараниях это величайшее достижение разума, увы, ничем не могло.

«Где же оно может быть, где?»

Нуар даже самым краешком своего сознания не допускал, что не исполнит воли повелителя и не сможет найти хоть одно прошлогоднее семечко! Оставалось только догадаться, где оно может быть.

Наверное, там, где сухо и не дует. Там, куда его могло за-

бросить осенним ветром, но где оно не проросло и не сгнило за прошедшее время.

«Под кровлей!» – сообразил юный страж и кинулся к дому здешнего бога.

Местное жилище было куда скромнее, нежели дом Повелителя Драконов. Не потому, что считалось менее значимым. Просто работ по уходу за Древом было куда меньше, нежели хлопот в обширном хозяйстве у главного гнездовья. Пищу сюда пригоняли с пастбищ за холмами, перегной привозили спинозубы, вода текла сама, вредителей отпугивала могучая воля ученика Дракона. Посему смертным оставалось лишь принимать очередные роды, убирать оболочки плода и выкармливать новорожденное существо либо уносить его, если изделие оказывалось нежизнеспособным.

Не так уж и много труда для полутора десятков мужчин!

А еще в этом гнездовье не было женщин, ни одной. Повелитель Драконов, опытный ученый, заботясь о воспроизводстве здоровых слуг, всегда помнил: люди выведены из дельфинов! Потому и их самки должны рожать в воде и младенцам необходимо подрастать тоже в свободном плавании. Для обширного проточного водоема, нужного роженицам, здесь не хватало воды. А раз так, то и незачем мучить рабов понапрасну!

Главное гнездовье присылало слуг к Родильному древу по мере надобности, а взамен регулярно получало выращенных для властелина новых существ.

Малому числу слуг дом требовался небольшой. Для него семь старых лип и вязов, сплетясь ветвями, перекрыли небольшую расселину, шагов двадцати в ширину и почти в сотню длиной. Смертным ученик повелителя отвел нижнюю часть гнездовья, где у каждого имелся небольшой закуток с плетеными стенами и гамак из лозы. Логово бога располагалось выше – тайну его местонахождения выдавал мелкий сухой песок, местами струящийся вдоль стволов.

Из нижнего темного жилья нуар забрал десяток светлячков, приказав им перелезть себе в волосы, потом по толстым ветвям наружной стены забрался наверх и пошел по мягкой, пружинящей кровле, осторожно раздвигая ногами густую листву. Он искал норы ночных крикунов. Втиснуться в них человеку, конечно, невозможно. Но если ветер занесет в такой лаз семечко, то его наверняка можно будет достать и рукой.

Норки у крикунов всегда сухие: кровля жадно впитывает влагу любого дождя, отводя лишнюю воду, а от земли сырость на такую высоту не поднимается. Где еще сохраниться семени, как не здесь?

Слева донесся недовольный писк, страж богов повернул на звук и присел возле темного зева.

Услышав приближение чужака, крикун заорал погромче, привлекая внимание местного нуара. В тихом доме, не знающем женского смеха и детской беготни, этот вопль показался куда более громким, нежели был на самом деле, и Шень-

шун поторопился успокоить зверя, похвалив его и приказав замолчать. Наклонил голову, вглядываясь в темноту.

Светлячки, защекотав ему уши, один за другим спустились вниз и зажглись, расползаясь по стенкам.

Толстый слой сухой трухи, накопившейся в норе, подсказал, что нуар ищет в нужном месте: все, что попадало в эту ловушку, оставалось здесь навсегда – высохшие, скукожившиеся листья, крылышки съеденных крикуном жуков и стрекоз, пожелтевшие от времени и ломкие пересохшие стебельки травы, множество выцветших липовых семян.

Шеньшун поворошил труху, насколько хватало длины рук, но кленовых крылаток так и не обнаружил. Отозвав светлячков, он поискал следующий лаз. Здесь все прошло куда проще: крикун, укрывшийся в самом конце глубокой и извилистой норы, даже не проснулся, а в трухе у входа ничего интересного не нашлось.

Мысленно ругаясь, страж богов отправился дальше, но, к своему изумлению, других нор не встретил. Маленький домик охраняли всего два крикуна!

Хотя здесь, на отшибе, больше, наверное, и не требовалось.

В печали и унынии Шеньшун перебрался с теплой и мягкой сладко пахнущей кровли дома на примыкающую скалу. Светлячки, не понимая его смятения, копошились в волосах, выискивая спокойное место, первый из крикунов издал сонный недовольный писк.

«И что я скажу богу?» – подумал нуар и тут же, словно в ответ, услышал разговор повелителя с учеником:

– Ты храбр в своих стараниях, Растущий, но ты должен быть готов к трудностям! – вещал Повелитель Драконов, даже не подозревая, что его могучий глас звучит в сознании грустящего стража. – Есть наша воля и знания, есть голос власти и Родильные древа, есть опыт сотен поколений. Но есть и непреложные законы мироздания, переступить которые даже нам не так-то просто.

Дракон не попрекал своего ученика – он только радовался за его неожиданный порыв. Однако опасался спугнуть азарт и заранее готовил молодого сородича к возможным разочарованиям.

– Да, ты безусловно прав. Смертные слуги были бы куда сильнее и выносливее, если бы их торс с руками находился на туловище крепкого четвероногого зверя! Но трудность в том, что все животные, что нам известны, имеют только четыре конечности. Когда ты совмещаешь зародыши животных в почке Родильного древа, их органы и скелет не складываются, добавляясь, а замещаются один другим или меняются к чему-то среднему. Увы, Растущий, законы мироздания предписывают животным только четыре конечности! Возможно, таковыми они остаются не только на Земле, но и во всех прочих мирах, в которых побывал Великий Сеятель…

– А как же спинозуб? – ответил ученик. – У него на хребте

десятки костяных пластин, каждой из которых он может шевелить как угодно, сбрасывая грузы, принимая их или разделяя на порции. Разве это не дополнительные конечности?

– Его скелет и органы такие же, как у прочих ящеров, – с готовностью ответил Дракон. – Создавшая первого спинозуба Белоспинка не нарушила общего закона, она просто добавила к возможностям прежнего зверя новые. Причем даже это было совсем не просто! Богиня наметила план изменений и следовала ему больше полувека, воздействуя на зародышей поколение за поколением. Ты тоже можешь добиться своей цели, если проявишь настойчивость. Но будь готов к очень долгому труду! Возможно, труду всей своей жизни. Кто знает, кто знает, может, ты и создашь новых многоконечных зверей и в результате станешь одним из Сеятелей.

– А разве Сеятелей было много? – удивился ученик.

– Конечно! – подтвердил Повелитель Драконов. – Подумай сам: в нашем мире обитают сразу несколько видов живых существ, абсолютно не схожих друг с другом. Это животные с четырьмя конечностями и скелетом внутри. Это раз. Животные со множеством ног и скелетом снаружи – это два. Ты ведь помнишь о раках и насекомых? Растения – это три, и грибы – четыре. Любой из этих живых миров способен существовать сам по себе, не замечая другого, у каждого свои размеры, свои правила и свое течение времени. Разве не понятно, что каждый из них возник с помощью разных Сеятелей? И наконец, все мы, не имеющие рук и ног, но, в отли-

чие от прочих существ, обладающие разумом, разве могли мы быть порождены тем же создателем, что придумал пауков или кактусы? Ведь мы разнимся с ними до такой степени, что у нас не найти вообще ни единого похожего органа, и даже кровь разного цвета! Мир богов – это пятый мир, мир пятого Сеятеля. И только то, что мы с животными, насекомыми, грибами и растениями способны поедать друг друга, подводит к выводу о единой основе для всех созданий. Посему, Растущий, будь готов к любой неожиданности! Место шестого Сеятеля вовсе не является запретным и недостижимым. Возможно, оно ожидает именно тебя!

– Это невероятно, учитель! – не поверил услышанному юный бог.

– Про все наши достижения когда-то говорили, что они невероятны, Растущий! – нравоучительно ответил Повелитель Драконов. – Что невозможно повелевать растениями, как зверьми, что невозможно летать без воздуха, невозможно создать несуществующих животных, скрестить рыб и зверей или наделить слуг частицей воли бога. И тем не менее рано или поздно находился ученый, который это невероятное чудо осуществлял!

Шеньшун, рассеянно царапавший тонким прутиком трещину в камне, вдруг вывернул с прочим мусором кленовую крылатку и мгновенно забыл про разговор повелителей! Упав на колени, нуар принялся расковыривать одну выемку за другой, пока наконец в одной из глубоких выбоин не

нашел целую горсть сухой трухи, в которой обнаружились три вполне еще крепких, закрученных кленовых пластинки с темной капелькой семени на конце.

– Нашел!!! – издал радостный клич нуар.

– Мой страж выполнил данное ему поручение! – Как оказалось, волна восторга дошла до Повелителя Драконов, перебив его разговор с учеником.

– Как можно полететь без крыльев? – попытался вернуться к прежней теме Растущий, но Дракон отказался отвечать.

– Ты все увидишь сам! Очень скоро. Мой страж должен мне помочь. Мне не терпится увидеть его находку.

– Ты позволишь мне тоже ее осмотреть?

– Конечно, Растущий! Будущему Сеятелю умение летать должно очень пригодиться в грядущих деяниях.

Шеньшун огляделся, но повсюду, вплоть до самых дальних холмов, его окружало сплошное зеленое поле с редкими скалами. Разглядеть что-либо под крупными листьями Родильного древа было совершенно невозможно. Тем более богов, стелющихся по самой земле.

– Куда мне идти, повелитель? – растерянно спросил он.

– Жди на месте… – прозвучал ответ, и вскоре мерный шелест показал, что Повелитель Драконов и его ученик поднимаются на скалу.

Еще несколько мгновений – и по разные стороны от вершины поднялись две чешуйчатые головы.

Растущий оказался почти вчетверо меньше учителя раз-

мерами, и его голова сейчас была не больше человеческой, некоторые чешуйки оставались молочно-белыми, еще не утвердившись в цвете, а язык имел коричневатый оттенок.

Однако при всей своей молодости он все равно оставался богом! И его воля могла подчинить себе любое живое существо, будь то насекомое, зверь, растение или нуар, по прихоти создателей несущий в себе немалую часть их способностей. Одно его слово – и деревья изменяли свой рост или прерывали жизнь, животные сами шли в его пасть, а насекомые разбегались прочь на полдня пути, дабы не тревожить молодого властелина своим присутствием.

– Что может этот неопытный смертный? – усомнился Растущий, увидев совсем еще юного слугу. – Я помню его! Древо отрастило этого нуара всего два года назад, и он был сразу отослан на работы. Куда-то на строительство.

– На Болотную тропу, – уточнил учитель. – Но его мысли показались мне интересными. Хочу оценить их лучше.

– Откуда взяться мыслям у двуногого? – даже зашипел от возмущения Растущий, почти полностью забравшийся на вершину скалы. – Эти животные способны думать только о самках и о жратве! – Его коричневое тело, еще не тронутое никаким рисунком, стало собираться кольцами. – Если тело нуждается в еде каждый день, а в размножении еще чаще, места для разума в звере уже не остается!

– Ты прав, Растущий! – согласился Повелитель Драконов. – В отличие от низших животных, мы едим всего четыре

раза в год, а потомство оставляем лишь весной и осенью… Но разве слуги из твоего гнезда, будучи лишенными самок, стали от этого хоть немного мудрее?

– Мы просто никогда не сравнивали их с твоими, учитель! – торжествующе объявил юный бог, довольный тем, что смог достойно ответить признанному мудрецу.

– Ты прав, – Дракон только порадовался сообразительности ученика, – не стоит доверяться непроверенным идеям. Слуг, живущих вместе с женщинами, и тех, что поселены отдельно от них, следует проверить на сообразительность и сопоставить результаты. Может статься, у тебя получится вывести более толковую породу двуногих? Это будет достойным взносом в копилку общего знания!

– Разве ты не хочешь сделать это открытие сам, учитель?

– Хочу, Растущий! Но сейчас мое внимание привлекает иная мысль, и я не стану от нее отвлекаться… – Голова властелина повернулась к стражу, раздвоенный язык мелькнул перед самыми глазами. – Покажи мне семечко, смертный… Странно, оно не кажется чем-то интересным. Брось его!

Шеньшун, повинуясь воле высшего существа, высоко поднял руку и повернул ладонью вниз еще до того, как понял, что именно нужно сделать.

Крылатки устремились было к земле, но тут же закрутились, сливаясь в коричневые полупрозрачные круги и, замедлив падение, плавно понеслись под порывом ветра в сторону солнца, почти не теряя высоты.

Повелитель Драконов разъяренно зашипел, вскинул голову.

– Подними! Подними их, Шеньшун!

Увы, крылатки оказались чересчур быстрыми, и нуару удалось поймать всего одну из трех отпущенных. Бог резко придвинул голову совсем близко к Шеньшуну, устремил взгляд на открытую ладонь, надолго замер, отдернув с глаз пленку. Затем приказал:

– Подними руку и брось!

Семечко, выпав из ладони, снова закрутилось, скользя по ветру вниз, и голова бога, удерживаемая могучим телом, двинулась рядом, сопровождая крылатку почти до самого камня.

– Подними! – кратко приказал Дракон. – Бросай!.. Подними!.. Бросай!.. Подними!.. Бросай!..

Это повторялось раз двадцать, не меньше, пока властелин не отпрянул к краю скалы и не повернулся к ученику.

– Ты видишь, Растущий? Легкий и хрупкий край семени повернут так, что при падении закручивается встречным ветром и скользит по воздуху, словно летучий ящер, раскинувший крылья. Никаких костей, никакого мяса! Только форма. Легкий изгиб тонкого крыла не дает упасть сердцевине, весящей намного больше него!

– Ты прав, учитель. Но что за польза тебе от этого открытия? Ведь они могут только падать. Подниматься вверх эти семена не способны!

Разговор прервал отчаянный человеческий вопль. Боги вскинули головы, нуар просто повернулся на звук и успел увидеть пару ног, напоследок трепыхнувшихся в пасти летающего ящера. Кто-то из слуг зазевался вблизи от вечно голодных драконов, отдыхавших у ручья, и один из ящеров не упустил шанса подкрепиться.

Но дальше случилось и вовсе чистое безумие: из ивовых шатров неподалеку от ручья высунулись сразу три человеческие головы.

Драконы, не помедлив и мгновения, повыдергивали длинными пастями добычу из легких плетеных укрытий. Один за другим раздались новые крики, и, прежде чем боги приказали драконам остановиться, те успели слопать еще по смертному.

– Назад! Я недоволен! – Грозные слова повелителя вынудили драконов попятиться обратно к ручью.

Растущий же понурил голову, свесив ее с высоты человеческого роста, как перезревший плод:

– Я ошибался, учитель! Мои идеи оказались пусты. Трое слуг за один раз!!! Похоже, в отсутствие самок двуногие вовсе не умнеют. Скорее, наоборот. Трое за раз! И после первого крика еще пятеро чуть ли не сами полезли к ящерам в пасти! Опыты не нужны, учитель. Мои слуги катастрофически глупы!

– Я пришлю тебе новых из своего гнездовья. Но пешком они будут добираться не меньше двадцати дней. Ты упра-

вишься так долго с оставшимися рабами?

– Переведу молодых смертных с расчистки ручья. Я помню, кто посажен с этой стороны. В дальнем шатре должна вылупиться твоя очередная предсказательница, учитель. В соседних зреют нуары. Выкармливать своих сородичей двуногим несложно, они справятся.

Глава 2
Восьмая и молодой

Нуар был могуч и красив: чисто бритый, без волос, бороды и усов, гладкостью кожи он был подобен богам, на голову превосходил ростом самого высокого из рабов и казался вдвое шире в плечах любого из смертных. Его куртка и штаны так плотно прилегали к телу, что повторяли каждый бугорок мышц, на поясе уверенно покачивались знаком недостижимого для смертных величия меч и поясная сумка.

– Ты! – указал он пальцем на молодого раба, торопливо работающего ложкой возле котла. – Иди за мной.

– Я? – с надеждой на ошибку переспросил Сахун, зачерпывая еще немного густого мясного варева. В котле еды оставалось не меньше чем на треть, и отрываться от него рабу очень не хотелось.

Однако страж богов молча повернулся и зашагал от гнездовой расселины в сторону ручья. Едва не заскулив от обиды, Сахун спешно кинул в рот кусочек мяса и потрусил следом, перепрыгивая камни, ныряя под листья Родильного древа и переваливаясь через его стебли. Уже нагоняя нуара, он облизал ложку и запихнул ее за пазуху.

Да-да, именно так, у молодого раба уже была одежда! Пусть не такая красивая и удобная, как у нуара, но сапоги

и тунику Сахун себе сшил. На первый раз получилось, конечно, немного коряво, но у большинства смертных главного гнездовья не имелось даже такой одежонки!

Уже много лет назад Повелитель Драконов распорядился, чтобы забойщики отдавали шкуры всех пущенных на еду животных двуногим слугам, но людей под его властью обитало несчитано, а мясо требовалось на кухне всего раз в день.

Сахун частенько мечтал, как было бы здорово пройтись по берегу родного залива, вызывая зависть сверстников, недовольство взрослых и восхищение девушек. Но, увы, слуги, отправленные в дальние гнездовья, почти никогда не возвращались в главный дом Повелителя Драконов.

– Тебе повезло, раб, – остановившись у одного из ивовых шатров, сказал нуар. – Несколько прежних кормителей настолько привыкли жить в покое и безопасности, что ухитрились целой толпой попасть в брюхо к ящерам. Так что больше тебе не придется по пояс в ледяной воде черпать грязь и выковыривать камни из русла. Будешь работать вместо одного из зазевавшихся дураков.

– Мне дадут ассегай?! – встрепенулся Сахун.

– Ишь чего захотел! – презрительно хмыкнул страж богов. – Ассегаи и мечи Повелитель Драконов выращивает самолично на отрогах Пологих гор, и кому попало такую ценность не доверяют! Только скотникам, дабы могли управиться с крупными ящерами, коли взбрыкнут, да нам, нуарам, для защиты богов от любой опасности. Тебе же острее дере-

вянной миски ничего не потребуется…

Он раздвинул стебли полога, скользнул внутрь и двинулся вдоль стен, привычно оглядывая плотное переплетение лозы. В отдельных местах нуару что-то не нравилось, он останавливался, вскидывал ладони. Повинуясь его полубожественной воле, тут же начинали шевелиться ветви – смыкаясь, выпуская новые листья, вспучиваясь молодыми почками.

– Теперь ты обязан проводить здесь все свое время, – не отвлекаясь от работы, начал объяснять новичку его обязанности страж. – И днем и ночью. Когда плод вылупится, будешь следить за ним, поить, кормить. Отогревать, коли мерзнуть начнет. Я велю варщику отдать тебе первые же шкуры и кожи, как появятся. Сошьешь из них покрывало на такой случай.

– Как отогревать? – не понял Сахун.

– Ты тупой совсем, раб? – удивился нуар. – Как всегда отогревают! Завернешься вместе с новорожденным и будешь дышать внутрь. Мы ведь все теплые, а ящеры холодные. Так что отогреешь легко, ничего сложного.

– Значит, там растет какой-то ящер? – с опаской посмотрел молодой слуга на огромный вытянутый плод длиной в полтора его роста и примерно в два обхвата толщиной. Его покрывала жесткая и шершавая желтая корка. Почти такого же цвета, как песок, что толстым рыхлым слоем выстилал пол шатра.

– Здесь? – Нуар ненадолго задумался, почесал пальцем за ухом. – Нет, здесь не ящер, тут предсказательница. Повелитель Драконов у кого-то из богов такую увидел. Она для хозяина погоду умела предсказывать, неприятности всякие, ураганы, грозы. Вот он и захотел себе похожую изготовить. Не первый год старается. Уже восьмую растят, но пока все без толку.

– А где предыдущие?

– Съели, конечно же, – пожал плечами страж богов. – Отчего, думаешь, у нас в гнездовье кормежка всегда такая сытная и шкур вдосталь? Когда из плода уродец какой появляется или вовсе мертворожденный зверь, так его сразу на мясо и пускают. Иногда выходит, что больше половины бутонов только на котел и работают. Боги упорны и умеют добиваться своего. Могут по сто раз одно и то же делать, пока не получится. А все неудачные создания, само собою, нам с тобой в брюхо попадают.

– Чего же они в дереве-то зверей растят? – спросил Сахун. – Отчего обычным образом не рождают?

– Обычным образом необычные существа не появляются, – ответил нуар. – В бутонах боги могут с зародышами всякие разные штуки делать, которые иначе не сотворишь. Это уже потом, когда зверь получился, для него самца готовят, и дальше он обычным образом плодится. А первые только через Древо возникают. И вообще, не твоего ума это дело! Тебе полагается за шатром следить, дабы стена и крыша

не прохудились, да новорожденного беречь. Коли дыра появится, меня ищи, я прореху заращу. Покрывало сшить не забудь! Вот об этом и думай.

– Если мне следить постоянно за плодом надо, когда же мне есть или за шкурами отлучаться?

– Коли плод не шевелится, то ненадолго можно, – дозволил нуар. – А вот коли потрескивать начнет, качаться и шевелиться, вот тогда все! Даже не отворачивайся! И еще одно запомни. Коли из еды, что на корм зверю выдаваться будет, хоть ложку сожрешь, сам в тот же день в котел отправишься! Все понял? Тогда работай.

* * *

Все началось с боли. С невыносимой боли, скрутившей тело судорогой, с жуткой, выворачивающей тошноты и неподъемной тяжести в груди. От всего этого одновременно обрушившегося со всех сторон кошмара она закричала слабым сиплым клекотом, сделала глубокий вдох, впервые в жизни наполнив легкие воздухом, закричала снова, на этот раз по-настоящему, и сама же содрогнулась от ударившего по ушам вопля! Мотнула головой, пытаясь разобраться в неясных образах перед лицом, и услышала изумленный возглас:

– Всемогущие боги, да это женщина!

– Кто ты? – прервав крик, попыталась узнать она. – Кто я? Где я?

– Ты родилась, ты жива, все хорошо…

Ее качнуло, приподняло, опустило. По телу, по лицу заскользили руки, и она вдруг прозрела: неясный свет сменился четкими образами. Она увидела молодого лохматого паренька в длинной тунике без рукавов, остроносого и голубоглазого, с небольшим шрамом на подбородке и слегка оттопыренными ушами.

– Кто ты? – снова спросила она.

– Меня зовут Сахун, – ответил паренек, продолжая счищать с новорожденной рыхлую и крупнозернистую овощную плоть.

– А кто я?

– Ты… Ты девушка. Симпатичная. Живая.

– А как меня зовут?

– Вос… Вом… – Сахун замялся. – Вол… Волерика. Тебя зовут Волерика! Красивое имя, правда?

Назвать свою подопечную просто «восьмой» кормитель как-то не решился. Хотя, наверное, для судьбы новорожденной это особого значения не имело. Срок ее жизни определялся лишь мастерством богов. Тем, смогли ли они добиться очередным своим опытом того, чего хотели.

По крайней мере, восьмая из провидиц была красива. Зеленоглазая, фигуристая, с алыми губами и спутанными длинными волосами, вычистить которые от пахнущей укропом слизи Сахуну никак не удавалось.

– У тебя орали? – заглянул в шатер нуар. – Ага, вижу. У

тебя.

Он выдернул меч и скрылся за пологом.

Вскоре расколотый и изрядно помятый плод дрогнул и слегка завалился на сторону. Несколько мгновений спустя страж богов вернулся, спрятал оружие, скомандовал:

– Помоги!

Ухватив опустевший плод за ножку, они выволокли его наружу, нуар махнул рукой:

– Бросай! Сейчас быков или оленей подгоню, тут и съедят. Ты это… Сегодня ее не корми. Поить можно. И пакость всю эту травяную смой обязательно, пока сырая! Коли высохнет, застынет такой коркой, что камнем не отскребешь. Я предупрежу, чтобы теперь и на тебя миску с варевом выдавали, не забудь завтра на кухне забрать!

– Она разговаривает! – торопливо сообщил Сахун. – Только родилась, а уже разговаривает!

– А ты думал, смертный, боги станут ждать по десять лет, пока их новые зверьки подрастут? – усмехнулся нуар. – Нет, рожденный в пруду, здесь у нас все на свет уже взрослыми появляются. Давай ступай к своей зверушке! У меня еще дело есть. Тут вроде еще где-то крик слышался.

Сахун кивнул, вернулся в шатер, скинул тунику, поднял новорожденную на руки, вместе с ней добрел до ручья, благо тут было недалеко, вошел в воду и осторожно опустился на колени. Девушка охнула от холода, но зато набегающие стремительные потоки быстро и легко смыли с нее волокнистую

кашицу, освободили волосы, унесли слизь из подмышек и со ступней.

Кормитель лишь отер ее ладонями, после чего снова поднял, вернулся в шатер, уложил на оставшееся от прежнего няньки покрывало из пяти разномастных кусков, вытянулся рядом и с головой накрыл себя и девушку меховым краем, дыша вниз, себе и ей на грудь.

Волерика быстро согрелась, перестала дрожать и даже задремала, уткнувшись носом ему под ухо и щекотно причмокивая губами в шею.

Вскоре в маленькой меховой норе стало даже жарко. Сахун поднял голову из-под полога, опустил край, оставляя снаружи свои и ее плечи, чуть повернулся, чтобы лечь удобнее, пригладил ее волосы цвета сосновой коры, осторожно высвободил длинные пряди. Коснулся плотных, чуть изогнутых темных бровей, пухлых губ.

Его воспитанница вздрогнула, застонала, и он тут же отдернул пальцы, снова погладил Волерику по голове.

Зашелестел полог, внутрь заглянул нуар:

– Как она? Оклемалась? Успокоилась? Дышит? Отмыл?

– Грею, – кратко ответил Сахун.

Страж богов подступил ближе, глянул на новорожденную.

– Красавица! Боги всегда создают только красивых слуг. Кстати, раб, имей в виду: даже пальцем прикоснуться к ней не смей! А то я знаю, что за мысли у вас, рожденных в пруду, постоянно вертятся. Никто из существ, созданных бога-

ми, не должен смешиваться с простыми смертными! Ни мы, нуары, ни слухачи, ни памятники – никто! Если богам нужно потомство от нас, они создают его сами, либо находят пару, лучшую из лучших. Если ты испортишь им породу предсказательниц, я лично скормлю тебя мордатикам! Чтобы не проглотили быстренько, как жруны или драконы, а на куски живьем рвали. Понял?

– Да, – согласно кивнул смертный.

– Ты ее уже поил? Не тошнит ее?

– Еще нет, – признался Сахун. – Кстати, страж, из чего мне ее кормить и поить? У Волерики ни миски, ни ложки нет.

– Какой еще Волерики? – удивился нуар, подходя к стене и вытягивая из нее ивовую веточку.

– Ее ведь нужно как-то называть, страж. Мне показалось, что просто «восьмая» будет звучать нехорошо. Вот изменил немного…

– Ничего себе «немного»! – хмыкнул нуар. – Только один первый звук и остался. Да и какая ей разница, есть у нее имя или нет? Боги явятся, проверят, способна ли она будущее видеть, на этом вся ее судьба и кончится. Пойдет на корм. А они новую творить начнут…

Страж говорил, а тем временем под его пальцами кончик ивовой ветки расползался в стороны с такой скоростью, что кора местами потрескалась и залохматилась, обрываясь с древесины. Плоское место вогнулось, одновременно наращивая края, ветка потолстела на длину ладони, слегка загну-

лась, и нуар обломил ее у самого кончика:

– Вот, держи ложку! Сейчас плошку для воды выращу, а миску утром на кухне возьмешь.

– Если Волерику скоро должны… – Сахун замялся, не решаясь озвучить ее ужасную судьбу. – Если ее… тогда почему ее нельзя касаться?

– Я так и знал, что эти мысли уже крутятся у тебя между ног, смертный! – вроде даже обрадовался нуар. – У вас, плодящихся зверино, всегда одни и те же идеи в скудном умишке выплывают! Нельзя потому, что боги создают свои творения не из ничего, а вытягивая зародыш нового существа из предыдущего создания. Так, шаг за шагом, у них и появляются из простых смертных слухачи, способные услышать их слова и приказы за сотни дней пути, или памятники, не забывающие никогда и ничего из однажды услышанного и в любой миг способные напомнить хозяину потребные замыслы или события. Именно поэтому всеми их новыми созданиями всегда являются самки! Что двуногие, что спинозубы, что драконы. В самках есть семя! И если ты из-за своей дурацкой похоти испортишь богам зародыш прорицательницы, гнев их будет столь велик, что ты и представить себе не можешь! Вот, держи поилку.

– Откуда ты знаешь так много, страж? – с невольным восхищением спросил раб, принимая ивовую пиалку с высокими тонкими стенками. – Боги рассказывают тебе о своих замыслах?

– Они их просто никогда ни от кого не скрывают! – ответил нуар. – Я служу здесь больше двадцати лет и хорошо слышу, о чем разговаривают повелители, вижу, что они делают, и знаю, какие приказы отдают. Так что понимаю планы богов и их правила не хуже самого Дракона.

– Если все создания богов самки, то почему нуары мужчины?

– Стражи богов созданы, чтобы сражаться за повелителей, – с легкостью объяснил нуар. – Все самцы обладают врожденной агрессивностью. Мужчины всегда храбрее и воинственнее женщин. Поэтому мы лучше защищаем богов.

– Разве они нуждаются в защите?

– Ты слишком болтлив, смертный! – устал отвечать на его вопросы нуар. – Твоим слабым умишком мудрости богов не понять. Занимайся лучше тем, что тебе поручено, и думай только об этом. – Страж сделал шаг к пологу, но неожиданно приостановился и все-таки ответил: – Когда боги поедят, то спят по три-четыре дня подряд и совершенно беззащитны. Во время праздника Плетения они тоже не замечают ничего вокруг. Все это время их охраняем мы, нуары, стражи богов. Мы созданы только для этого, и мы скорее умрем, нежели подпустим опасность к своим повелителям! А убить нас очень непросто, смертный! Ведь мы созданы для того, чтобы защищать богов в те дни, когда они не способны оборонять-ся сами.

* * *

Бедро внезапно обожгло огнем. Невольно вскрикнув от боли и отскочив, Шеньшун обернулся и напоролся горлом на острый кончик ивовой лозы.

– Говорил, пороть буду за тупость? Говорил, что розгами получишь, коли зевать станешь? – зло поинтересовался Хоттаку. – Вот теперь и получай!

Старший нуар взмахнул прутом, и гибкая лоза обожгла болью плечо юного стража.

– Ты чего?! – отскочил Шеньшун, увернувшись от очередного взмаха, поднырнул под другой, выхватил меч и парировал им третий.

– Уже лучше. В тебе просыпаются искорки разума, давно заплывшие жиром, – хмыкнул Хоттаку и попытался стегнуть Шеньшуна еще раз.

Юный нуар снова увернулся, взмахнул мечом, пытаясь в отместку плашмя ударить старшего по спине. Но клинок сухо стукнул о клинок, Хоттаку развернулся, ударил его коленом в пах, а когда противник согнулся от боли, резко рубанул по шее. К счастью, всего лишь лозой.

– И запомни, – самодовольно шепнул Шеньшуну на ухо старший нуар, – мне велено держать тебя в сытости и бодрости. Но вовсе не в глупости! И если ради твоего вразумления мне придется тебя убить, то ты сдохнешь. И очень скоро.

– Это я тебя убью! – сквозь боль выдохнул юный страж.

– Попробуй! – с усмешкой разрешил Хоттаку, ткнув острием меча ему под ухо. – Вдруг ты и впрямь достоин того звания, которым наградил тебя повелитель? Скажешь, что меня сцапал ящер, никто и беспокоиться не станет. А тело спихнешь крокодилам.

– А-а-а!!! – разогнувшись, кинулся на него Шеньшун, вскинул меч над головой, рубанул, но промахнулся, пробежал мимо увернувшегося врага, да еще и обидный пинок вдогонку получил.

– Ты жалкий смертный, а не нуар! – плюнул ему вслед Хоттаку. – Не знаю, как ты смог обмануть бога. Но скоро он разгадает твою ложь! Или ему надоест твоя глупость. И тогда он вернет тебя мне, в общее гнездовье. Вот тогда ты пожалеешь, что я не убил тебя сегодня!

Старший страж спрятал оружие и невозмутимо неспешной походкой отправился дальше вдоль берега, на котором застал свою жертву.

– Я тебе еще отомщу! – бросил ему вслед согнувшийся от медленно затухающей боли Шеньшун.

Но без особой уверенности. Ведь он так и не понял, почему бог захотел приблизить именно его. А потому опасался, что, с какой легкостью Повелитель Драконов его возвысил, с той же – и вернет обратно, на прежнее место смотрителя за Болотной дорогой.

– Готовь ящеров! Мы летим на Серую топь! – внезапно

услышал нуар приказ повелителя и, нимало не сомневаясь, кому предназначались слова, кинулся к стойлам.

Вскоре, разогнавшись над гладью залива, драконы взмыли к небесам, унося бога и его стража к далекому болоту. Проплывали далеко внизу реки и ручьи, тянулись над кронами дымки от стойбища диких смертных, то поднимались, то опускались леса, густо укрывающие высокие, но пологие холмы. Чуть в стороне и немного ниже мелко-мелко взмахивали крылышками крохотные, но стремительные стрижи, несмотря на все старания, отставшие от величавых неторопливых ящеров с седоками. То тут, то там среди зелени поблескивали слюдяными россыпями озерца, очертания которых почти не различались под густыми кронами. И вся эта красота заставила отступить мучившую Шеньшуна тревогу, а затем он и вовсе забыл о ней…

Он летает! Одно это стоило всех грядущих неприятностей. Кто еще, кроме богов, мог похвастаться подобной удачей? Два-три нуара, не более. И именно он, Шеньшун, стал одним из счастливцев!

– Тебе нравится летать? – неожиданно спросил Повелитель Драконов.

– Да, мой бог! – признался нуар.

– Сегодня ты увидишь то, чего не видел еще никто и никогда, страж, – пообещал Дракон. – То, чему я решил посвятить свою жизнь.

На миг Шеньшуном овладело легкое беспокойство. Он

заподозрил, что если задуманный богом опыт не удастся, то его, как свидетеля великого позора, могут просто проглотить. Однако опасение, едва возникнув, тут же исчезло. Судьба нуара и без того полностью зависела от милости властителя! Лишняя капля риска уже ничего не могла в ней изменить.

Ящеры, раскинув гигантские крылья, лениво кружили над темно-зеленой луговиной, медленно набирая высоту. Вдруг оба разом свалились в крутой крен, заскользили по прозрачному холодному воздуху к далеким скалам, молнией промелькнули над Болотной тропой, едва не чиркнули брюхом по гранитным россыпям перед топью и тут же взмыли вверх, теряя скорость. У стража богов от нескольких мгновений невесомости остро щекотнуло в животе, но тут драконы, уже вцепившиеся когтями в Малую скалу, сложили крылья и прижались к камню.

Увидев, что повелитель сползает с шеи своего ящера и скользит вниз, Шеньшун тоже перебрался на скалу и стал осторожно спускаться, цепляясь пальцами за трещины и старательно нащупывая ногами выступы. Упасть он не боялся. Нуары созданы очень живучими. Даже рухнув на камни с высоты, в десять раз превышающей человеческий рост, страж все равно останется жив и быстро залечит переломы.

Однако при всех их великих возможностях боль для стражей никто не отменял, и ломаться Шеньшуну очень не хотелось.

Дракон, спустившись первым, своего стража изволил дождаться, после чего пополз к небольшой заводи, которую обширная топь выпускала в подступающее с севера ущелье.

– Еще в молодости я заметил, как из болот выходит в пузырьках вонючий газ, – признался слуге господин. – Этот запах в стороны не расползался, а значит, улетал вверх. И я подумал: если наполнить им какой-нибудь пузырь, то он сможет подняться на такую высоту, куда не добираются даже птицы. Это было давно, страж! Так давно, что смертные еще не были придуманы, а выполняемые вами работы делали мордатики. Да-да, те самые быстроногие ящеры с куцыми ручками. Получалось у них плохо, но как-то управлялись. Это сейчас они только носят бегом небольшие грузы из конца в конец угодий. А раньше выполняли буквально все работы.

Шеньшун промолчал. Он даже представить себе не мог, сколько лет должно было миновать с того времени, когда не существовало даже самых первых людей, и страшился подумать о возрасте своего повелителя! Властитель казался ему таким же древним, как замшелые скалы возле топи или Пологие горы.

– Нет, – ощутив его мысли, ответил бог. – Мне еще не минуло и тысячи лет. Многие из растущих окрест деревьев были уже большими, когда я только-только вылуплялся из яйца в Северном храме. И почти все эти годы я пытался научить летать болотные лилии. Сначала я просто заставлял их ли-

стья вырастать в виде шариков, в которые набирался вонючий газ. Потом эти листья увеличивались в размерах, стенки их истончались. Но сколь бы легкими они ни вырастали, они все равно не желали отрываться от воды.

Повелитель Драконов, медленно ползя по тропе, рассказывал свою историю спокойно и размеренно, то ли соскучившись по благодарному слушателю, то ли репетируя речь, которую произнесет в случае удачи перед собратьями.

– С тех пор минуло невероятно много времени! Сгинул Северный храм, опустело и заросло множество жилищ вокруг, растворились в небытии все угодья по эту сторону Пологих гор, кроме моих, а я все пытался решить свою загадку. Я затопил несколько долин, я завалил их гнилью, дабы дать богатую пищу корням моих драгоценных отборных лилий. Я вырастил тысячи рабов, чтобы иметь в достатке рабочие руки для ухода за ними. Я научил растения не просто ловить пузырьки, а впитывать их корнями и впускать через стебли прямо в листву. И наконец совсем недавно я смог найти нужный ответ…

Бог даже остановился и повернул голову к своему стражу:

– Оказалось, что болотный газ может усваиваться растениями! Они способны строить из него свои стебли, бутоны, листья, развивать корни. Они разлагают его, пуская полезную часть в собственный рост, а ненужную исторгая наружу. Ты не поверишь, нуар, но эта ненужная часть легче самого газа в десятки, именно в десятки раз!

Повелитель Драконов пополз дальше.

– Болотная тропа трудилась много лет, чтобы сделать Серую топь пригодной для выращивания самой большой лилии в моей жизни. Но сначала я хочу убедиться, что один из ее саженцев растет именно так, как я желаю. Впитывая газ, он должен откладывать часть его в корнях, а часть выделять в листья.

Последние слова бог произнес уже совсем другим тоном. Они были не частью будущей речи, а лишь кратким сегодняшним пояснением.

Обогнув скалу у самого основания, Повелитель Драконов сполз с травы прямо в мутную вонючую жижу и, извиваясь, устремился по ней в самый дальний конец заводи. Шеньшун перешел на бег, прыгая с камня на камень, – опускаться в топкое болото он не рискнул.

– Да-а!!! – чуть не сбила его с ног волна восторга и безумной радости, исторгнутая богом.

И уже потом нуар увидел впереди, чуть выше прибрежных ивовых зарослей, огромный, почти в два человеческих роста толщиной, ярко-зеленый шарик, что болтался в воздухе, с трудом удерживаемый тонким, всего в руку, стеблем.

– Режь его!!! Режь!

Устоять перед прямым приказом властелина Шеньшун, естественно, не мог. Он тут же прыгнул с камня в болото и, утопая, заторопился к лилии.

К счастью, погрузившись по грудь, нуар ощутил под нога-

ми дно. Отталкиваясь от него и загребая руками, страж богов добрался до стебля, выхватил меч и широким взмахом перерубил хрусткую «пуповину».

Шар, словно подброшенный сильным ударом, прыгнул вверх и стал стремительно удаляться к зениту. И новая волна радости хлестнула по сознанию стража с такой силой, что Шеньшун едва не потерял сознание!

А когда немного пришел в себя и снова поднял глаза к небу, зеленый шарик казался всего лишь слабой точкой далеко в небесах.

Глава 3
Падение кленового семени

Эти семь дней стали самыми ужасными в жизни Шеньшуна. Пользуясь тем, что повелитель насытился и отдыхает, Хоттаку и еще несколько старших нуаров превратили жизнь юного стража в настоящий кошмар: то его подлавливали в неожиданном месте и избивали палками, то подкрадывались ночью и нападали на сонного, то отвлекали и наносили удары в спину.

Очень скоро Шеньшун нервно вздрагивал от каждого шороха, мгновенно поворачиваясь на звук с мечом в руке, непрерывно озирался даже в совсем вроде бы безопасных местах, держался настороже, разговаривая со смертными или другими стражами, и даже спал теперь чутко, как рысь на тонкой веточке.

К счастью, долгий отдых бога все же закончился, и нуар смог наконец-то снова оседлать летающего ящера и вслед за властелином покинуть ненавистное главное гнездовье.

Повелитель Драконов был самым счастливым из богов. У него имелось четверо учеников, расселившихся на разных границах обширных угодий. Растущий следил за Родильным древом, Зеленец увлекался выведением новых растений у склонов Пологих гор, а также памятников и слухачей, кото-

рых обитало в его гнездовье больше сотни. Он первым узнавал новости, озвученные другими родами планеты, а его памятники удерживали столько знаний из самых разных областей науки, что сам Повелитель Драконов не гнушался летать на юг, чтобы задать им возникающие порой вопросы!

Тонкохвост повелевал водами, умело орошая засушливые луговины и заболачивая пустыри, организуя озера и заводи иногда по необходимости, а чаще – просто ради своего удовольствия. Иной раз из чистого баловства он ухитрялся прятать под землю целые реки, чтобы потом где-нибудь неожиданно поднять их обратно на поверхность. Именно он использовал для своих работ большинство слуг, собранных Повелителем Драконов, но и польза от его умения направлять воду в нужное место была огромной!

И, наконец, Желтоушка, приползшая на север всего пять лет тому назад. Она еще не определилась, чем заниматься, но пока интересовалась возможностями Родильного древа, выращивая для своих опытов новый росток возле небольшого озерца в десяти днях пешего пути на запад от главного гнездовья.

Счастливым Повелитель Драконов был потому, что к нему ученики приходили. Зная о мудрости старого исследователя, они добирались из-за Пологих гор за знанием и опытом, за новыми открытиями, за интересными идеями. Приползали издалека, хорошо понимая, чего хотят. Его ученики не бросали своих начинаний, затворяясь в норах, не преда-

вались аскезе, не ленились в поисках истины.

В других родах, имеющих свои храмы Плетения, все происходило иначе. Там новорожденные боги, расползаясь по сторонам, быстро обосновывались в пустующих норах и домах, обретали голос и волю, рвались делать все и вся, хотели разом познать весь мир, и… уже через год их вопросы звучали все реже…

А года через три лишь один из десяти еще напоминал о себе учителю…

А через десять лет на свой первый праздник Плетения являлся только один из сотни подростков…

А через полсотни лет лишь считаные единицы из всего поколения продолжали свой труд познания мира.

Полная отрешенность от мира в укрытиях, позволяющих пребывать в сытости и безопасности, а также лень и вседозволенность выкашивали ряды юных богов куда быстрее, нежели это делали хищники и болезни в далекую и почти забытую эпоху Дикости.

В угодьях же Повелителя Драконов детей и подростков не появлялось. А потому он знал, что его старания в обучении жаждущих знаний молодых повелителей не пропадут даром, и уверенно вкладывал в них весь свой опыт и мудрость!

Облет гнездовий занял больше десяти дней. В каждом учитель задерживался на два-три дня, осматривая жилище, беседуя с учеником, давая советы и наставления и выслушивая мысли молодого бога. Последней на пути стала Серая

топь, возле которой Дракона дожидался Растущий.

Впрочем, внимание Шеньшуна привлек не он, а огромные зеленые шары, что плавали высоко над гладью болота подобно комкам тины в толще стоячей воды. Шаров было пять, и каждый соединялся толстым стеблем не с болотом, а с длинным овальным листом, на взгляд нуара очень похожим на крылатку кленового семени, но только невероятно увеличенную в размерах.

Если каждый из шаров имел не меньше сотни шагов в диаметре, то длина листа, за который они держались, была больше почти втрое.

– У меня родилась очередная предсказательница, – сообщил Растущий своему учителю.

– Это хорошо! – ответил Дракон. – Но я не хочу отвлекаться на нее сейчас. Надеюсь, нам и без того будет что рассказать перед праздником в новом храме. Либо… она уже не будет иметь для меня никакого значения.

– Позволь мне лететь с тобой, учитель! Почему ты выбрал в спутники раба?! Я тоже хочу увидеть нашу землю с небес! А жалкий двуногий ничего не поймет. Только обделается от ужаса.

– Нет, Растущий. Ты самый опытный из учеников. Если я погибну, тебе останутся мои угодья, мои знания и мои исследования. Ты продолжишь мое дело. Мы не должны рисковать вдвоем. Нуары живучи. Если мы разобьемся, он сможет прийти в себя, добраться до гнездовья и все рассказать.

Тогда ты не повторишь моей ошибки.

– Ты, как всегда, прав, учитель, – после короткого колебания признал Растущий.

– Запомни этот день! – добавил Повелитель Драконов. – Сегодня наш род делает первый шаг на пути Сеятелей.

Голова бога повернулась к болоту. Через несколько мгновений из воды и слякоти вспучился светло-серый корень гигантской лилии. Повинуясь воле Дракона, он стал быстро раздуваться, на глазах превращаясь в клубень с полостью внутри. Нервозность повелителя передалась Шеньшуну, и он, не дожидаясь приказа, полез вперед, пробираясь через болото к корню, первым забрался в свежую, пахнущую терпким соком и яблоками нору.

Его повелитель, быстро переплыв заводь, скользнул следом и свернулся кольцами, высунув наружу только голову.

Откуда-то послышался громкий плеск. Нуар, извернувшись, тоже выглянул наружу, но, что это было, не понял. Наверное, пухлый клубень, в котором обосновались воздухоплаватели, отделился от остального корня. Теперь их связывали с болотом только тонкие белесые нити мелких корешков. Но и они быстро вытягивались из жидкой почвы, подергиваясь один за другим.

Мягкий толчок – и лилия вдруг стала стремительно набирать высоту.

Шеньшун и охнуть не успел, как они уже пробили одно из проплывающих над болотом облаков, ненадолго оказавшись

в пелене плотного тумана, а потом по глазам снова ударило ослепительное солнце, лучи которого наполняли чистое до хруста, совершенно прозрачное сплошное небо вокруг.

Облака, казавшиеся сверху рыхлыми комками сбившегося тополиного пуха, быстро проваливались вниз; очертания рек, озер, лесов становились все мельче; простор для обзора – все шире и… все хуже. Редкие облака издалека начинали сливаться в единую полупрозрачную завесу, а при взгляде под углом – и вовсе в сплошную белую пелену. Пару раз нуару показалось, что где-то вдали он смог различить вершины Пологих гор и северные ледяные поля, но, скорее всего, это была иллюзия.

Очень скоро страж богов ощутил холод. Это показалось Шеньшуну странным. Ведь они поднимались к горячему солнцу, а небо вокруг было чистым и прозрачным! И ведь именно сюда, наверх, всегда тянется теплый воздух от раскаленных полуденным жаром скал и земли!

Однако он все равно мерз все сильнее…

– Холодно, – сказал нуар, вспомнив, что боги не очень хорошо ощущают плавные перепады температуры.

Повелитель не ответил, но страж ощутил эмоцию одобрения. Повелитель Драконов хвалил его за наблюдательность и догадливость.

Сегодня земная цивилизация делала свой первый шаг в высоту, и они оба должны были заметить и запомнить в необычайном путешествии как можно больше!

– Чем выше, тем прохладнее. Парадокс? – Эти слова предназначались не Шеньшуну, а слухачу в гнездовье Зеленца.

Обычные существа, даже боги, на таком удалении ничего услышать не способны. А вот слухач уже наверняка пересказывал сообщения с небес двум сидящим наготове памятникам. Чтобы полученные знания навсегда сохранились для мудрецов.

Между тем холод усиливался. Шеньшуна начал бить крупный озноб. А кроме того, ему становилось все труднее и труднее дышать. Эта напасть нарастала плавно, по чуть-чуть, почти незаметно, пока страж богов вдруг не осознал, что хватает воздух широко раскрытым ртом, делая вдохи часто, как воробей, но все равно не может надышаться.

– Здесь мало воздуха, – сообщил он повелителю. – Совсем мало!

– Или он стал другим… – Ответ бога показался ему медлительным и вялым, словно пробившимся через густой костный студень.

Нуар оглянулся на Повелителя Драконов, снова посмотрел вниз, не различая теперь ничего, кроме белого покрывала с темными разводами, похожего на слой первого выпавшего снега, пока еще очень тонкий и не способный полностью укрыть неровную разноцветную почву. При взгляде вверх он сделал и вовсе невероятное открытие: небо стало черным! Мало того, на нем то тут, то там проглядывали знакомые ночные звезды.

– Посмотри туда, повелитель! – вскинул руку нуар. – Смотри!

Однако на этот раз Дракон не ответил вообще. Он заснул, как всегда засыпают боги с приходом в гнездовья зимних холодов.

Шеньшуну тоже пришлось несладко. Все его тело давно покрыли мурашки, ноги и руки начали неметь, щеки и нос потеряли чувствительность. Чтобы хоть немного разогнать кровь, он подергал конечностями, насколько позволяли размеры норы в корне лилии, покрутил плечами, растер уши. Снова выглянул наружу.

Мир вокруг стал черным и мрачным, как сама ночь, со всех сторон звезды кололись, точно шипами, яркими острыми лучиками. Солнце же било по глазам словно плетью, обжигало кожу лица и рук, испепеляло короткие волосы, но при всем при том… оставалось холодным! Шеньшун мерз и горел одновременно, коченел от холода и покрывался ожогами.

Лилия тоже выглядела престранным образом. В тени ее поверхность покрылась изморозью, которая переливчато сверкала в свете звезд на всех стеблях, шарах и крылатке, а повернутая к солнцу сторона прозрачно светилась, словно гигантская росинка на листе молодой осоки, и испускала слабый парок.

Нуар понял, что они с повелителем попали в беду. Похоже было, что лилия станет подниматься в бесконечность весь

день, весь вечер и ночь, а потом еще день, все выше и выше, все дальше и дальше, сковывая их обоих смертоносным холодом, лишая воздуха.

Пределов небесам страж богов не знал, как, впрочем, не знал их даже сам Повелитель Драконов, начавший столь ужасающий опыт именно ради проникновения в новые тайны.

– Что мне делать, повелитель? – сделал еще одну попытку поговорить с богом Шеньшун. – Мне подождать или попытаться остановить полет?

Повелитель молчал. Нуар, не зная его планов, менять что-либо по своей воле не решался.

А дышать между тем становилось все труднее.

Шеньшун понял, что еще немного, и он, страж богов, созданный таким, что его почти невозможно убить, начнет задыхаться. В висках стучало, голова наливалась тяжестью, легкие горели от ледяного воздуха. Но в своих попытках хоть как-то продышаться Шеньшун перестал замечать холод.

Вдруг послышался слабый хлопок, словно кто-то над головой задумчиво ударил ладонью о ладонь. Нуар вскинул глаза и понял, что шаров осталось всего четыре. В его разуме еще не успел всплыть вопрос о том, куда делся один из распухших листьев летучего растения, как еще один шар вдруг разлетелся на зеленые светящиеся и одновременно искристые обрывки.

«Лопаются…» – устало догадался полуокоченевший, полузадохнувшийся страж.

В его теле образовалась странная щекочущая легкость. Приятная и слабо что-то напоминающая. И вскоре он понял что.

По лицу, трепля короткие волосы, заскользил быстрый ветер, болезненно царапая обожженно-обмороженную кожу. Ветер дул снизу вверх. То есть лилия падала. Причем все быстрее и быстрее!

Шеньшун заметил, как слабоизогнутый корешок, в котором они укрывались, под встречным напором пытается отклониться в сторону, поддергивая длинную тонкую крылатку, но снова и снова опадая обратно вниз. С каждым разом взмахи становились все шире и шире, а рывки крыла – жестче.

Не требовалось много ума, чтобы догадаться, отчего гигантское кленовое семя никак не может начать вращение и перейти в медленный плавный спуск: три уцелевших шара продолжали тянуть край крылатки вверх, удерживая в вертикальном положении. Их подъемной силы не хватало, чтобы остановить падение. Но вот помочь путникам разбиться они могли запросто!

Нуар вскинул руку, приказывая стеблям истончиться у комля, но лилия никак не отозвалась на его волю. Похоже, от холода она уснула так же крепко, как и Повелитель Драконов.

Ветер крепчал, красноречиво доказывая, что падение ускоряется все больше. Стебли напряглись, словно нити па-

утины, и мелко дрожали от натуги, шары под напором вытянулись в капли, но отрываться упрямо не хотели.

Шеньшуну оставалось только одно. Он нащупал рукоять меча, сдвинул оружие на спину и полез наружу, хватаясь негнущимися пальцами за тонкие корневые лохмотья, что местами торчали из клубня.

Нуар не очень надеялся на успех, но он был обязан хотя бы попытаться спасти повелителя от неминуемой гибели!

И тут нежданным помощником оказался ветер, который, набросившись стремительным вихрем, сначала подергал из стороны в сторону одежду, а потом принялся мягко, но настойчиво подталкивать нуара вверх. Перебравшись с его помощью на макушку корневища, Шеньшун пробил пальцами тонкую перепонку между твердыми прожилками каркаса крылатки и сразу ощутил себя увереннее. Теперь ему было за что держаться.

Так, делая окошко за окошком и крепко хватаясь за одревесневшие ребра лилии, он добрался до ближнего стебля, выхватил меч и перерубил его одним сильным ударом.

Растение резко просело вниз, ветер ощутимо подтолкнул стража выше. Шеньшун быстро продвинулся на пять шагов и рубанул комель второго стебля. Последовал новый рывок, на этот раз не просто к далекой земле, но еще и в сторону. Нуар от неожиданности едва не слетел со своего места и, как мог, крепче вцепился в прочные узловатые прожилки.

Лилия почти легла на бок и сделала медленный поворот

вокруг клубня. Потом второй, третий, четвертый, утягивая последний из шаров за собой. Тот, будучи заметно больше клубня, крутиться так же быстро не успевал, и стебель его стремительно превращался в жгут.

«Сейчас раскрутит в обратную сторону», – понял страж.

Но случилось другое. Стебель лопнул где-то посередине. Надутый газом лист мгновенно исчез в вышине, а корень, увлекаемый изогнутым крылом, принялся раскручиваться и вовсе с дикой скоростью. Падение замедлилось, но на Шеньшуна внезапно обрушилась немыслимая тяжесть, перевернувшая его через голову и потянувшая не вниз, а вбок от клубня, пытаясь сорвать с крыла и отшвырнуть в сторону. Да так яростно, словно вес нуара увеличился сразу раз в пять.

Шеньшун сжал пальцы что было сил, безуспешно нащупывая ногами опору и пытаясь спасти лицо от ветра, ставшего вдруг жестким и хлестким, как розга Хоттаку. Семечко крутилось, с низким воем опускаясь с невероятных небес, но куда оно летело, на какой высоте находилось, нуар даже примерно не представлял. Глаза слезились, лицо горело, руки гудели от натуги, мир вращался вокруг с такой скоростью, что небо, земля и облака сливались в единое бурое месиво.

Это длилось целую вечность, долгие годы, много-много жизней – так показалось юному стражу. А потом внезапно произошел рывок, сделавший его тяжелее сразу в сотни раз.

С оглушительным треском нуар оторвался от крыла и полетел…

* * *

Она тщательно облизала ложку, с надеждой заглянула в миску, но та уже была вычищена до блеска.

– Да, так вправду удобнее, Сахун, – тяжело вздохнула Волерика. – Хотя просто ртом быстрее.

– Быстрее, – согласился кормитель. – Но только нос и подбородок будут постоянно грязные.

Порученная его вниманию женщина постоянно поражала юношу. Она с рождения умела разговаривать, знала, кто такие боги и кому принадлежит она и весь удел, знала, что ей запрещена близость со смертными и нуарами, что покидать пределы гнездовья очень опасно и даже в нем следует держаться подальше от глупых ящеров, не понимающих разницы между домашними и дикими существами. Что богам нужно безусловно подчиняться, а к любым двуногим можно обращаться с просьбами.

И в то же время она не знала, что такое ложка, откуда берется еда и вода, не имела понятия о зиме и лете, о ветре и дожде.

– Теперь мы пойдем гулять? – спросила она юношу.

– Да, пойдем, – согласился Сахун.

Страж богов особо предупредил слугу, что предсказательницу нужно почаще выводить на воздух и обращать ее внимание на небо и облака, на порывы ветра, что обязательно

следует показать ей дождь, как только тот начнется, и если уж особо повезет, то и грозу.

Повелитель Драконов полагал, что восьмая должна сама получить и усвоить эти знания, чтобы те уложились в сознании женщины согласно с особенностями ее уникального ума. Если вложить в нее все это сразу при рождении, она станет воспринимать погоду так же, как и прочие рабы. И отвечать станет так же, как и все прочие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.